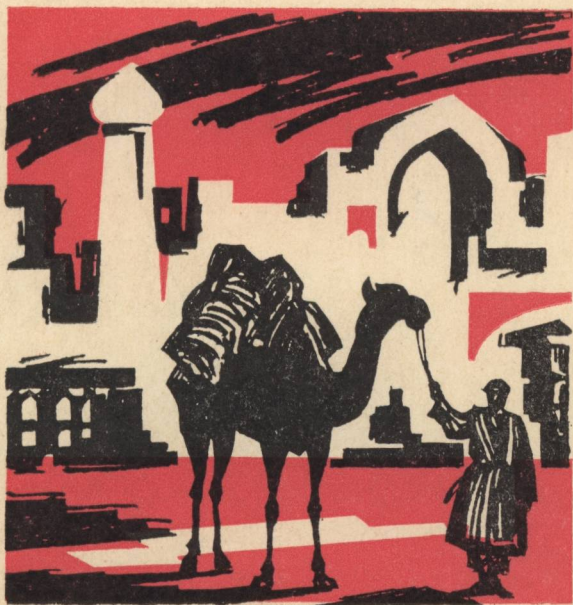

Филипп Назаров

**Записки
о некоторых
народах и землях
средней части
Азии**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

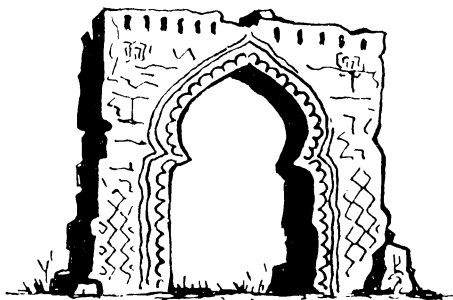
ИНСТИТУТ
НАРОДОВ АЗИИ

РУССКИЕ
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
в странах
Востока

Филипп Назаров

**Записки
о некоторых
народах и землях
средней части
Азии**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы

Москва 1968

Текст подготовил *В. А. Ромодин.*

Примечания *В. А. Ромодина* и *В. А. Урвалова.*

Указатели и карта составлены *В. А. Урваловым.*

Назаров Ф.

Н 19 Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М., Главная редакция восточной литературы изд. «Наука», 1968.

77 с.

Записки принадлежат перу одного из первых русских путешественников, Филиппа Назарова, направленного с дипломатическим поручением в Фергану и Коканд в начале XIX в.

2-8-1

27-БЗ-48-68

91(692)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга «Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского Корпуса переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 годах» была опубликована в Петербурге в 1821 г. и давно уже стала библиографической редкостью. В отличие от многих других описаний путешествий русских на Восток, переиздававшихся неоднократно, «Записки» ни разу не были полностью переизданы¹ и относятся к числу незадолго забытых русских книг начала прошлого века. Правда, историками привлекались отдельные сведения из этой книги², но как источник данных о прошлом народов Средней Азии и Казахстана она достойна большего внимания.

Ну и что же, скажет читатель, мало ли у нас важных источников, ожидающих переиздания: эту книгу, как и всякую другую, специалисты могут прочитать в библиотеке, в отделе редких книг. Но «Записки» Ф. Назарова — не только ценный историко-этнографический источник, а к тому же и своеобразный памятник русской литературы и русского языка. И уже поэтому, несмотря на полутора-вековую давность вызвавших ее рождение событий, книга Ф. Назарова и в наши дни может заинтересовать самые широкие круги читателей. Во всяком случае ее с удовольствием прочтут любители старой русской литературы о путешествиях и приключениях.

В предлагаемом вниманию читателей втором издании «Записок» Ф. Назарова полностью воспроизводится текст первого издания. Кроме того, использована рукопись сочинения, хранящаяся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

¹ Только краткие извлечения из «Записок» были напечатаны в журнале «Вестник Европы» за 1821 г. (ч. 119, № 16, стр. 314—321, и ч. 121, № 24, стр. 331—339).

² См.: В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, — Сочинения, т. III, М., 1965, стр. 220; Коканд, — там же, стр. 463; П. П. Иванов, Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.), М., 1958, стр. 180, 183, 200; «История Узбекской ССР», т. I, кн. 2, Ташкент, 1956, стр. 20; «История Узбекской ССР», т. I. С древнейших времен до середины XIX в., Ташкент, 1967, стр. 621.

в Ленинграде (Пост. 1950. 20¹⁶). Рукопись озаглавлена «Записка о Кокане», написана разборчивым писарским почерком, чернилами, на 20 листах, выправлена Ф. Назаровым и подписана им (дата подписи: 20 июня 1820 г.).

Сличение первого издания «Записок» с этой рукописью показывает, что при подготовке ее к печати автором (вероятно, с учетом пожеланий издателя) был внесен ряд дополнений. Так, в изданном тексте дается общий обзор природных условий казахских (киргизских) степей и приводятся сведения о занятиях и обычаях населения, далее сообщаются общие сведения о Туркестанском и Ташкентском владениях (см. ниже, стр. 18, 23, 30, 32—33, 35), а затем о Кокандском государстве и т. п. Всего этого в рукописи не было. Кроме таких дополнений и кратких вставок, уточняющих путевые наблюдения автора (например, о рыбах р. Чу, стр. 30), вносились вставки стилистического и литературного характера. Их цель — придать большую эмоциональность изложению событий и сделать более эффектными картины природы, что соответствовало духу повествовательной прозы начала прошлого века, когда авторы книг о путешествиях любили приукрашивать свое изложение романтическими гиперболами и сентиментальными сентенциями. И если в рукописи только упомянута гора Кокчатау, то в печатном тексте мы читаем, что «Дикие места сии и царствующая в окрестностях тишина производят какое-то неизъяснимое уныние...», а ночью при луне тени гор приводят путешественников «в невольное содрогание» (стр. 22). В рукописи сказано кратко о переходе через густые леса, а в книге описан ветер, с шумом потрясавший листья деревьев и завывавший в ущельях гор, «разнося крики хищных зверей и воронов, гнездящихся в лесах сих» (стр. 24) и т. п.

Все дополнения, внесенные в текст первого издания по сравнению с рукописью ГПБ, выделены во втором издании угловыми скобками. Сведения, отсутствующие в первом издании, но имеющиеся в рукописи, даются в сносках (кроме буквенных различий в передаче имен и географических названий, которые отражены в указателях). Включая полностью текст рукописи, второе издание позволяет проследить ход подготовки книги Ф. Назарова к печати в 1820 г. (рукопись датирована 20 июня, разрешение цензора на печатание было дано 27 июля 1820 г.) и выделить первоначальный вариант описания путешествия.

Содержание дополнений и уточнений к рукописи показывает, что большинство их мог сделать лишь сам Ф. Назаров. Но такие вставки, как замечание о сходстве туркестанских законов с правом «феодалного правления в века младенчества всей Европы» (стр. 30) или ссылка на художников Сальватора Розу и Эвердингена в связи

с описанием гор и р. Чирчик (стр. 35), возможно, были составлены или присоветованы Ф. Назарову Н. П. Румянцевым, знатоком европейского искусства. «Записки» были изданы на его средства; ему посвятил Ф. Назаров свою книгу, его имеет в виду автор, говоря о содействии (стр. 17) со стороны мужа, «споспешествующего новым открытиям», причем муж этот — достойный сын героя Задунайского³.

О жизни Филиппа Назарова мало что известно. В биографических словарях и в обзорах русских путешествий в Среднюю Азию о нем сообщаются лишь самые краткие данные и даже годы его рождения и смерти остаются невыясненными. Так, в «Русском биографическом словаре» о Ф. Назарове говорится только, что он жил в конце XVIII — начале XIX вв., служил по Министерству иностранных дел и в 1812 г. занимал должность переводчика Отдельного сибирского корпуса⁴.

Некоторые дополнительные биографические данные о Ф. Назарове есть в рукописи его сочинения (см. стр. 17, в первом издании эти данные опущены), где сказано, что после окончания Азиатского училища⁵ он поступил в 1804 г. «переводчиком Тобольской губер-

---

³ Н. П. Румянцев (1754—1826), старший сын фельдмаршала П. А. Румянцева (1725—1796), учился в Лейдене, путешествовал по Италии, занимался историей и европейскими литературами, собирал книги. Его книжное собрание составило основу библиотеки Румянцевского музея (созданного в Петербурге в 1831 г. и переведенного в Москву в 1861 г.), предшественницы Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Он многое сделал для сбора и публикации исторических источников. Содействовал, будучи министром коммерции, а с 1809 г. канцлером, развитию торговли с Азией, географическим исследованиям, кругосветным плаваниям, изучению Севера. Снарядил на свой счет экспедицию на север в 1815—1818 гг. на корабле «Рюрик».

⁴ См. «Русский биографический словарь», СПб., 1914, т. «Нааке — Николай Николаевич старший», статья «Ф. Назаров» (подписанная: А. Петров); ср. данные в кн.: О. В. Маслова, Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию, — «Материалы к изучению Средней Азии», ч. I, Ташкент, 1955.

⁵ Азиатское училище (или «Азиатская школа») было основано в Омске в 1789 г. В этом учебном заведении, готовившем (главным образом из детей привилегированных слоев казахского населения) переводчиков и писарей для местной администрации, кроме общеобразовательных дисциплин преподавалось несколько восточных языков. В 1828 г. «Азиатская школа» была соединена с открывшимся (в 1813 г.) в Омске Казачьим войсковым училищем, в дальнейшем (в 1846—1847 гг.) преобразованном в Сибирский кадетский корпус (см.: «Памятная книжка Западной Сибири», Омск, 1881, стр. 85, 91, 101, 105, 115; «История Казахской ССР», т. I, Алма-Ата, 1957, стр. 366).

нии Иртышской линии Железнодорожной дистанции в форпост Чарлаковской», откуда его затем переводили «в разные пограничные места» и неоднократно командировали за границу⁶.

В 1813 г. генерал-лейтенант Г. И. Глазенап⁷ поручил Ф. Назарову выехать в Коканд с целью уладить инцидент, возникший в связи с убийством в Петропавловске кокандского посланника, возвращавшегося из Петербурга (см. стр. 17—18). 16 мая 1813 г. Ф. Назаров отправился из Омска в Петропавловскую крепость, а оттуда с русским купеческим караваном двинулся через казахские степи на юг. В конце сентября он прибыл в Сузак, затем через Чимкент проследовал к Ташкенту, где торговый караван был задержан, а Ф. Назаров с сопровождавшим его казачьим отрядом продолжал свой путь и в первых числах октября приехал в Коканд. Во второй половине октября казачий отряд по приказу кокандского правителя был отправлен в Россию, а Ф. Назаров с пятью казаками остался в Ферганской долине он пробыл около года, посетив ряд городов и селений, а затем через Ура-Тюбе и Ходжент проехал в Ташкент, откуда в августе 1814 г. отправился в Россию с двумя кокандскими посланниками и 15 октября прибыл в крепость Петропавловскую.

Составленное в хронологическом порядке описание этого путешествия и послужило основой для книги Ф. Назарова. Преимуществом Ф. Назарова перед многими другими путешественниками была полученная им в Азиатском училище специальная подготовка и практическое знание восточных (во всяком случае тюркских) языков. Сам он писал об этом так: «...знание тамошнего языка как своего собственного доставило мне те средства, кои редко находят путешественники» (стр. 17). В «Записках» много историко-этнографических данных о казахах, основанных не только на путевых наблюдениях автора в 1813—1814 гг., но и на знакомстве с их жизнью, приобретенным за время многолетней службы его переводчиком. Ф. Назаров описывает обычаи сватовства, погребения и поминок (стр. 20, 23—

---

⁶ По-видимому, имеются в виду командировки в казахские степи, находившиеся до 20-х годов XIX в. за чертой административно-управления царских властей Западной Сибири. В степях правила тогда казахские ханы, большинство которых признавали себя подвластными русскому царю и находились под контролем царских властей, не вмешивавшихся, однако, непосредственно в административные дела.

⁷ Глазенап Григорий Иванович (ум. в 1819 г.) — кавалерийский генерал. Был командиром Отдельного сибирского корпуса и управлял как генерал-губернатор Западной Сибирью. Принимал меры к поощрению сибирского купечества и развитию караванной торговли с Востоком. Для этого в 1813 г. он и отправил купеческий караван в Ташкент, а в Кокандское ханство переводчика Ф. Назарова (см.: «Памятная книжка Западной Сибири», стр. 91).

24), сообщает о народных спортивных играх и музыке (стр. 21, 25), рассказывает об управлении ханов, султанов, биев, о тяжком положении обедневших скотоводов, вынужденных работать на других и даже продавать своих детей (стр. 23—24, 26).

Современному читателю надо иметь в виду, что Ф. Назаров повсюду называет казахов киргизами в соответствии со старой русской терминологией, поскольку русскими по невыясненным причинам не позднее чем с начала XVIII в. на казахов было перенесено этническое название «киргизы»⁸. Настоящих же киргизов, упоминания о которых неоднократно встречаются в «Записках», автор именует (чтобы отличить от казахов) — «черные киргизы» и «закамененные киргизы»⁹.

Как источник «Записки» особенно важны для истории Кокандского ханства, о котором в начале XIX в. мало было известно в России. До Ф. Назарова из русских путешественников в Ферганской долине побывал (в 70-х годах XVIII в.) Ф. Ефремов¹⁰ и сообщил о ней ценные, но краткие данные. Описание Ф. Назарова значительно подробнее, в нем содержится много наблюдений о хозяйстве, сведения о политических событиях. История Кокандского ханства мало исследована, и для ее изучения «Записки о некоторых народах и землях средней части Азии» — важный источник.

Как же возникло и развивалось государство, в котором побывал наш путешественник? Что он увидел в Ферганской долине и что там происходило в действительности? Постараемся хотя бы в общих

---

⁸ Казахов в России называли киргиз-кайсаками, киргиз-казаками или просто киргизами (как у Ф. Назарова). Истинным самоназванием казахов было и остается «казак». Это название сохраняется в казахском языке и в других языках народов Советского Востока (в языках этих народов этнические названия «казак» и «киргиз» не смешивались). В русском языке с 30-х годов нашего века утвердилось написание этнонима «казак» как «казах», благодаря чему этот этноним не смешивается с названием прежнего русского военного сословия казаков (у Ф. Назарова «козак»).

⁹ Такое написание — «закамененные» — встречается в тексте первого издания и постоянно в рукописи (именно на таком написании настаивал автор, судя по его правкам в рукописи) вместо обычного «закамененные киргизы» (что понималось, как киргизы, живущие «за камнем», т. е. горным хребтом Заилийского Алатау). Может быть, «закамененные» Ф. Назаров употреблял для передачи термина «горные киргизы» (ср.: В. В. Бартольд, Киргизы. Исторический очерк, — Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 510 и стр. 270, прим. 1).

¹⁰ [Ф. Ефремов], Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора, десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии, возвращение оттуда через Англию в Россию, описанное им самим, СПб., 1786 (неоднократно переиздавалось).

чертах ответить на эти вопросы, чтобы помочь читателю оценить рассказ Ф. Назарова о Кокандском государстве.

Ферганская долина, находящаяся в восточной части бассейна Сыр-Дарьи, была центром хозяйственной и политической жизни Кокандского государства. Площадь ее около 23 тыс. кв. км, протяженность с запада на восток около 300 км, с севера на юг — около 70 км. До XIX в. воды крупных притоков Сыр-Дарьи для орошения почти не использовались — воду брали только из маленьких речек и ручьев, и более трех четвертей площади долины приходилось на неорошаемые земли, для земледелия непригодные. Но при сравнительно небольшой освоенной площади Ферганская долина издавна была одной из самых густонаселенных областей Средней Азии с развитым земледелием.

Основную часть населения составляли оседлые и полuosедлые узбеки и близкие к ним тюркские племена кипчаков и других народностей, вошедших впоследствии в состав узбекского народа. Многочисленны были таджики, в городах постепенно сливавшиеся с узбеками. Окружавшие долину горы населяли киргизы.

Ферганская долина ограничена горами со всех сторон; только с запада в нее ведет удобный проход шириной местами до 7 км, доступный для движения войск в любое время года. За расположенные у выхода из долины районы Ура-Тюбе и Джизака шла длительная борьба между кокандскими и бухарскими правителями; об одном из эпизодов этой борьбы рассказывает Ф. Назаров (стр. 58). В XVIII в. относительная безопасность Ферганы привлекла много переселенцев, главным образом из Самаркандской области и из завоеванного китайцами в конце 50-х годов Кашгара¹¹.

В начале XVIII в. в Ферганской долине возникло независимое феодальное владение правителей из узбекского племени минг. Основателем династии Мингов был Шахрух-бий, правивший с 1709/10 до 1720/21 г.¹² К середине XVIII в. ферганское владение Мингов усилилось и при дипломатических переговорах стало признаваться в Средней Азии самостоятельным государством наряду с Бухарским и Хивинским ханствами. С начала 70-х годов до конца XVIII в. правителем Коканда был Нарбута-бий (отец Омар-хана, к которому

---

¹¹ О прибытии кашгарцев рассказывает кокандский историк Мулла Аваз Мухаммед Аттар («Тухфат ат-таварих-и хани», рук. ЛО ИНА С 440, л. 55а и сл.); бадахшанский историк Санг Мухаммед сообщает, что в Фергану отправилось 9 тыс. «буна» (домохозяйств семей) кашгарцев (см. «Тарих-и Бадахшан», изд. А. Н. Болдырева, Л., 1959, л. 346).

¹² Рассказ о нем см. у кокандского историка Муллы Нияза Мухаммеда Хоканди в «Тарих-и Шахрухи», изд. Пантусова, Казань, 1885, стр. 17—19.

приезжал Ф. Назаров). В годы длительного правления Нарбута-бия в Ферганской долине сооружались оросительные каналы и увеличивались площади поливных земель. Наблюдался рост торгово-ремесленных городов, которому способствовало развитие торговли Средней Азии с Россией. Ферганские историки сообщают о дешевизне продуктов в этих районах и рассказывают о благоприятных условиях для купцов, сложившихся в годы правления Нарбута-бия. Дешевизна и порядок, обеспечивающий возможность спокойно заниматься торговлей и хозяйственной деятельностью, считались восточными летописцами первостепенными показателями благоденствия страны.

Однако Кокандское владение, как и другие государства Средней Азии, не было полностью централизованным. Против центральной власти нередко выступали феодалы, правившие отдельными городами и районами. Приходу к власти Нарбута-бия предшествовали смуты, а государственную деятельность ему пришлось начинать с похода против непокорных феодалов Чуста и Намангана. И после его смерти разгорелась борьба за трон между четырьмя претендентами, каждого из которых поддерживала группировка узбекской знати. Правителем стал Алим-хан (старший сын Нарбуты), поддержанный группировкой племени мингов¹³.

При Алим-хане (1798—1810) усилилось политическое значение Кокандского государства, которое принято с этого времени именовать Кокандским ханством, поскольку Алим-хан стал употреблять ханский титул¹⁴. Он создал наемное войско, состоявшее преимущественно из таджикских горцев¹⁵. Оно было его опорой в борьбе за централизацию власти и послужило ядром созданной им большой армии. Многочисленные походы на Ура-Тюбе не принесли Алим-хану решающего успеха, но ему удалось завоевать Ташкент, находившийся под властью местной династии ходжей. Через Ташкент шла быстро развивавшаяся торговля России со Средней Азией, и к началу XIX в. он стал крупным торговым городом. Алим-хан пытался покорить казахов, подчинявшихся прежним властям Ташкента, и завоевал Чимкент, но казахское население прилегающих районов вскоре восстало, возмущенное жестокостями кокандских сборщиков податей. Отправленные Алим-ханом в казахские степи войска опустошили районы

¹³ Там же, стр. 41.

¹⁴ На одной из своих печатей Алим назвал ханом не только себя, но и своего отца Нарбуту (см.: В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, — Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 286, 287).

¹⁵ Мулла Нияз Мухаммед Хоканди, Тарих-и Шахрухи, стр. 42 и сл.; там сообщается об отрядах, состоявших из каратегинцев, шугнанцев, бадахшанцев и т. д., а также из иранцев, читральцев и воинов Гунта (стр. 43, 44).

Чимкента и Сайрама. Через три года следы войны видел здесь и описал Ф. Назаров (стр. 32). Кокандские отряды были направлены и далее в глубь степей, но потерпели неудачу. Наступившие морозы сквали их действия, воины страдали от лютых холодов, многие отморозили руки и ноги.

Алим-хан, находившийся с главными силами в районе Ташкента, не обращал внимания на ропот в войсках и приказал возвращаться в степи уходившим оттуда отрядам. Недовольство использовали враждебные Алим-хану сановники и провозгласили в Коканде правителем его брата — Омар-хана. Оставленный войсками Алим-хан был убит.

В изображении кокандских историков Алим-хан, боровшийся за укрепление центральной власти с узбекской феодальной знатью и нередко ущемлявший при этом интересы духовенства, выступает как злобный тиран. Тираном он остался и в памяти народа из-за своего крутого нрава, а также из-за тягот, ложившихся на плечи подданных в связи с постоянными походами и большими издержками на содержание войск.

В противоположность ему Омар-хан (1810—1822) изображается историками как государь благочестивый и справедливый. Он пришел к власти при активной поддержке военно-феодальной знати и духовенства и в продолжение своего царствования проводил политику, защищавшую интересы этих слоев, сохраняя прочный союз с ними. Его военные предприятия были более успешными (причем осуществлялись войсками, созданными Алим-ханом). Блеску двора Омар-хана способствовала его меценатская деятельность. Придворные поэты и историки наперебой восхваляли повелителя¹⁶. Он проводил крупное ирригационное строительство главным образом в интересах знати; так, большой канал Янги-арык был сооружен прежде всего для того, чтобы удовлетворить землевладельческую знать кипчаков — сильного и воинственного племени¹⁷. Чтобы обеспечить поддержку представителей знати, Омар-хан жаловал нужным ему людям пожизненно селения.

Наш краткий исторический очерк подошел к концу. Осенью 1813 г. в Ферганскую долину приехал Ф. Назаров. Он оставил нам рассказ очевидца о стране, городах и селениях, о происходивших при нем событиях. Много интересного и важного смог Ф. Назаров увидеть и описать. Но некоторых, очень существенных сторон жизни он не разглядел. Так, вследствие недостаточного знакомства с

---

¹⁶ Омар-хан и сам писал стихи. Его «Диван» впоследствии издавался (имеется, в частности, литографское издание, вышедшее в Бухаре в 1911 г.).

¹⁷ П. П. Иванов, Очерки по истории Средней Азии, стр. 198.

бытом простого народа в Кокандском ханстве Ф. Назаров впал в ошибку, утверждая, будто ни горожане (ташкентцы), ни жители кокандских селений не платят никаких податей (стр. 34, 37)¹⁸. Иногда наш путешественник дает несколько приукрашенную, идиллическую картину жизни трудовых людей Средней Азии того времени. Читателям надо помнить, что автор был сыном своей эпохи, не был чужд предрассудков, свойственных людям его среды и общественного положения. В некоторых случаях Ф. Назаров в пренебрежительном тоне пишет о простом народе, называя его «самовольная чернь» (см., например, стр. 47) и т. п. Впрочем, и ему, царскому чиновнику и посланцу крепостнической России, поначалу показались удивительными порядки в Кокандском ханстве, где простых людей на каждом шагу мог публично избивать любой военный или чиновник (см. стр. 42, 46—47).

В то же время Ф. Назаров отметил тяжелое положение обездоленных казахов и сумел разглядеть и охарактеризовать такие особенности жизни в Кокандском государстве, как засилье духовенства, державшего в своих руках суд и использовавшего в своих интересах поклонение народа историческим и религиозным реликвиям (стр. 48). Естественно, с наибольшей обстоятельностью и достоверностью Ф. Назаров описал церемониал посольского приема, аудиенцию у Омар-хана и некоторые другие впечатления, касающиеся политической, дипломатической и военной жизни ханства.

Обратим внимание читателя на то, что Ф. Назаров ни разу не называет Омар-хана по имени, а только по титулу — *валлиами*. Объяснение этого титула, так же как и других специфических восточных терминов, встречающихся в «Записках» Ф. Назарова, приводится в примечаниях. В примечаниях пояснены также редкие, областные и вышедшие из употребления слова, в частности имеющиеся в тексте «Записок» сибирские диалектальные слова (например, колесная трубица и т. д.).

Особенности орфографии первого издания «Записок» Ф. Назарова во втором издании сохранены. В квадратных скобках даны многочисленные пояснения составителей, внесенные для удобства читателей в текст «Записок».

В. А. Ромодин

---

¹⁸ О многочисленных податях и повинностях населения Кокандского ханства см. там же, стр. 187—189,

ЗАПИСКИ

О

НЕКОТОРЫХЪ НАРОДАХЪ И ЗЕМЛЯХЪ
СРЕДНЕЙ ЧАСТИ АЗИИ

Филиппа Назарова,

Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса
Переводчика,

посланнаго въ Коканъ въ 1813
и 1814 годахъ.

БИБЛИОТЕКА

ИМЕТЪ ТУТА
ВОСТОКОВѢДЕНІЯ
Академии Наукъ
СССР

*Original sent to Prof. N. K. ...
G. ...*

...

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано при ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии Наукъ

1891.

*The Asiatic Museum ... 1822
Zinn.
Zinn ... 1822 ...*

... XI, 1, 137.

* Народы, обитающие в средней части Азии, до сих пор остаются мало известными. Будучи к ним послан и задержан ими в продолжении полутора года, я старался замечать нравы, обычаи, положение мест и укрепления городов сих народов; а знание тамошнего языка как своего собственного доставило мне те средства, кои редко находят путешественники. Сделав краткое о сем описание, я предпринял издать оное в свет, чтобы тем познакомить соотечественников моих с сими внимания достойными землями, из коих некогда вышли народы, поглотившие наше Государство.

Записки сии, представляемые мною на суд просвещенных читателей, остались бы неизвестными без великодушного содействия знаменитого в Государстве нашем мужа, споспешествующего новым открытиям, мужа почтенного характером и добродетелями, и кто из россиян не узнает в нем достойного сына героя Задунайского*.

Возвращавшиеся в 1812 году от высочайшего двора его императорского величества коканские посланники остановились в крепости Петропавловской; один из них в сем месте умер от болезни, а развратная жизнь другого

---

* * Начало изданного текста совершенно отлично от рукописи, которая начинается следующим образом: «По выпуске из Азиатского училища поступил я в 1804-м году переводчиком Тобольской губернии Иртышской линии Железинской дистанции в форпост Чарлаковской, откуда, будучи переводим в разные пограничные места и неоднократно командирован за границу, искал всегда случая показать ревность свою и усердие к службе его императорского величества, долгое время я просил неотступно корпусного командира генерал-лейтенанта Глазенапа поручить мне особенную экспедицию, и к щастию в 1813-м году представился удобный случай к исполнению моих желаний».

среди распутных женщин завела его в сообщество посланного на поселение солдата, который, заманив его в баню, убил в надежде воспользоваться его деньгами и кинул в реку. Сие самое заставило корпусного командира, в отвращение различных толков, могущих дойти до Коканского владения, отправить в Кокант посланника.

* Я вызвался принять на себя сие поручение, и корпусный командир немедленно отправил меня 16 мая 1813 года ** к Коканскому владетелю с высочайшею его императорского величества грамотою и всемилостивейшими подарками ***.

Я должен был следовать под собственным прикрытием отряда козаков с купеческим караваном, нарочно посланным в Коканию для открытия тракта. Караван сей состоял из 100 верблюдов и заключал в себе на 200 тысяч товаров.

Корпусный командир дал мне инструкцию: сохранить подарки в целости, обходиться с посланниками со всевозможною ласковостию, наблюдая, однако ж секретно, крайнюю осторожность, дабы они не могли тайно скрыться, и не подавая им никакого подозрения; на коканских границах отпустить отряд, а с посланниками и купеческим караваном следовать в самой Кокант; вручить самому владетелю подарки и испросить от него ответные письма к его императорскому величеству и государственному канцлеру; прилагать всевозможное попечение, дабы киргизы не покусились на грабеж каравана, и, еслили нужда потребует, отправить нарочного на линию с требованием секурса ¹.

Я простился с женою и детьми, поруча их покровительству всевышнего провидения, и мы все выступили в поход из Омска чрез Петропавловскую крепость в Киргиз-Кайсацкую степь.

<Степь сия примыкает с запада к реке Уралу, с севера до Уя и Сибирской линии от реки Тобола

* В рукописи такое начало фразы: «От жестокого характера коканцов должно было ожидать, что за смерть посланника их они будут мстить нашему казней, но с охотою желая жертвовать жизнью по данной мною присяге государю императору и желая отличить себя, я вызвался... (и далее, как в изданном тексте).

** в качестве посланника

*** В рукописи далее следует перечисление подарков: «...состоящими из золотых часов, осыпанных бриллиантами, двух кусков богатой парчи, лучшего сукна и атласа, дав мне повеление проводить до места помянутых посланников».

до Иртыша, к востоку граничит рекою Чуем, провинциями: Хивую, Туркистаном и проч., на юго-восток же и юг рекою Сыр-Дарьею, Оральским озером и Каспийским морем. Обширные степи сии состоят большею частию из открытых и сухих лощин с песчаными местами и солончаками, полей плодоносных мало, а лесистых мест и того менее.

Северная полоса оных находится в суровом климате. Там зима продолжается около 6-ти месяцев, морозы начинаются с октября; в марте уже показывается трава, а лето почти всегда жаркое. Тучные луга и безпрестанно встречающиеся ключи, речки и озера способствуют скотоводству.

Кочующие в сих степях киргизы по большей части среднего роста, смуглы, постоянный климат делает их здоровыми. Живучи целый век на воздухе и ведя кочующую жизнь, они способны переносить жар и холод; имеют грубую пищу, состоящую летом из кумыса и молока, а зимой из лошадиного мяса с разболтанною мукою. Занимаясь скотоводством, они пренебрегают хлебопашеством.

Киргизы все вообще славные наездники, ибо детей своих с 4-х летнего возраста сажают уже на лошадей. Чрезвычайно честны, никогда не нарушают данного слова, вспыльчивы, мстительны, сродны к хищничеству, и все страсти в них сильно действуют.

Говорят, что они потомки рассеявшихся моголов, кои некогда мнили завоевать всю вселенную. Народы сии, заставлявшие трепетать при одном своем имени, исчезли вместе с временем, оставя нам по себе одно только воспоминание о их злодеяниях; но, вступая в степь, при виде бродящего народа, разбросанных во множестве юрт и пасущихся стад и табунов лошадей, перегоняемых с места на место, как бы переносишься в те века и воображаешь видеть воинский стан сих моголов.

Киргизский народ разделяется на 3 орды: большую, среднюю и малую. Каждая орда разделяется на волости, заключающие в себе каждая от 3 до 5 тысяч юрт, под управлением султанов, а волость разделяется на аулы, имеющие каждый от 30 до 70 юрт, под управлением почетных биев², или старшин. Они не платят никакой дани: кочующая жизнь избавляет

их от большой подчиненности, и право сильного господствует там во всей силе. Сие столь гибельное для общества право поселяет почти безпрестанную вражду между волостями. Они часто ездят по ночам партиями к соседям для баранты³ или отгону скота, за который с обеих сторон дерутся с остервенением; жены их, будучи также хорошими наездницами, сражаются вооруженные кольями и бердышами⁴ и едва ли не превосходят в лютости мужчин.

Киргиз имеет при себе ружье с фитилем, дротик, бердыш, саблю, лук и стрелы.

Народ сей исповедует магометанскую веру, которая позволяет им иметь столько жен, сколько кто в состоянии прокормить. Женщины их самым большим безчестием почитают бесплодие; они статны, пригожи, сильны и здоровы.

Так как киргизы свято сохраняют данное обещание, то сватовство делается между отцами при самом младенчестве их детей. Отец мальчика посылает сватов с предложением сыновней руки, обещая дать за сие калым, состоящий из стольких-то калмыков, лошадей и рогатого скота, и будущий женихов тесть, дав на сие согласие, посылает ежегодно к своему свату для получения части обещанного калыма. Когда сговоренные подрастают, то их знакомят друг с другом, а потом жених ездит гостить на неделю и на две к невесте.

Будущий тесть за четверть версты от своего жилища становится для жениха особую юрту. Женщины на каждую ночь приводят к нему невесту и оставляют с ним наедине, но скромность, можно сказать взлелеянная между сими грубыми дикарями, не позволяет жениху употребить и самонаименьшую дерзость против невесты. В назначенный для свадьбы день собираются родственники; невеста сквозь решетку поднятых пол у юрты⁵ протягивает к жениху, который стоит под открытым небом, руку. Мулла спрашивает их о согласии и потом, соединяя руку жениха с невестиною, читает молитву. После сего они делаются уже супругами.

Естьли бы узнали, что невеста не сохранила до брака свою непорочность (что слишком редко случается), то сваты убивают убранную женихову ло-

шадь, раздирают в лоскутки его платье и осыпают невестиного отца ругательствами.

Законов никаких не имеют и утверждают на одном Алкоране либо на естественном праве.>

Целый день мы шли по проложенной через лес к Ишиму дороге, называемой Аблай-Ханскою, до урочища Коротумара, где встречали по местам⁶ в большом количестве разбросанные юрты и в великом множестве пасущиеся стада киргизов. К ночи уже, около 11 часов, мы развьючили верблюдов, разставили тюки наподобие * полукруга *, сомкнув оный для безопасности отрядом козаков. Несмотря на усталость людей, должно было ** вываживать верблюдов для отдохновения около 2 часов, а потом положили их в ряд, <что и в последствии времени всегда делалось>. Лошади же, из коих не более 15 оставались не разседланными на случай опасности, загнаты были в середину. На другой день на развете, в 5 часов, мы пошли опять лесами на урочище Куктирек, оттуда степью, простирающейся на сто верст к урочищу Юскомыш, оттоль на Сарагачь, на речку Чаглинку, изобилующую рыбами, при коей обитают в великом множестве разных волостей киргизы под управлением хана Валлия⁷.

Мы видели разставленные по реке их подвижные юрты, сделанные из войлоков, натянутых на рамы; <у богатых оные [юрты] украшены были внутри пестрыми шелковыми материями. Перед юртами стояли оседланные лошади; внутри юрт лежали молошные мешки⁸, а на стенах висело оружие и конская збруя. Киргизы сидели безпечно, поджавши ноги у курящихся огней, и рассказывали друг другу о временах, давно прошедших; некоторые, лежа уединенно на зеленеющих пригорках и играя унылые песни на сывызге⁹ (инструменте наподобие флейты), пасли стада, а женщины выделывали кожи, ткали и валяли войлоки. Разговаривая с ними и вникая в их характеры, мне казалось, что грабительство и жестокость сих народов отнести можно более к необузданному образу жизни и стремлению к мщению, нежели к чувствам природного их побуждения.>

Вечеру киргизы собрались толпою на берег, <боролись>, бегали взапуски, стреляли из луков в цель; иные

---

* * полущиркуля

** по обыкновению

из них играли подле юрт в домбру (инструмент, сделанный наподобие ковша со струнами), а молодые девушки, сидя в ряд у решеток в юртах и приподняв полы войлоков, сопровождали сию музыку голосами. Признаюсь, хотя она была не слишком привлекательна для слуха, но все сие заменялось веселым и безпечным видом жителей. Мы простились с сими беззаботными обитателями и с Чаглинки отправились на урочище Чубар-Айгр, покрытое по сторонам высоким лесом, годным к строению. В сем месте земля весьма удобна к хлебопашеству, с большими санными покосами при озерах. Сюда ходят киргизы на ловлю волков, лисиц и борсуков¹⁰ и добывают соль из находящихся в окружности небольших соленых озер, называемых Яман-Туз. <Они гоняются за зверями на лошадях, с собаками и обученным беркутом (орлом), которого сажают вместе с собою на седло, покрыв ему голову чехлом, дабы он не развлекался встречающимися ему предметами. При виде зайца, лисицы или дикой козы скачущий киргиз сбрасывает с беркута чехол; он с стремлением налетает на добычу, схватывает ее когтями и держит до тех пор, пока хозяин его не подоспеет. Беркутов сих они столь дорого ценят, что за одного отдают по несколько лошадей и даже пленных калмыков.> Отсюда пошли мы гористыми местами на урочище Машак-Камыш, покрытое лесами, при пресных озерах, до урочища Тетенбет-Карасу, в котором месте высокие хребты гор, прилегающие к горе Кокчатау, пересекают дорогу. Мы шли безпрестанно каменистыми местами, затруднявшими на каждом шагу путь наш. В правой руке, насупротив урочища Чакмаштау, синелась вдаль, за три дня езды, ужаснейшей величины гора Кокчатау, <скрывающая в облаках свои вершины>. Мы не встречали во все время ни одного человека, ибо киргизы в летнее время уходят кочевать на другую сторону горы сей. <Дикие места сии и царствующая в окрестностях тишина производят какое-то неизъяснимое уныние, а во время ночи освещаемые сиянием выходящей из-за Кокчатау луны цепи хребтов гор, отбрасывая по лощинам длинные тени, приводят путешественника в невольное содрогание.>

Подошед к горе, мы были поражены шумом бегущих из нее ключей, <которые, стремясь с вершин и разбиваясь

о выдавшиеся скалы>, впадают в большое изобилующее рыбами озеро, из коего вытекает речка Янасу, пересекающая дорогу. За несколько десятков лет тому назад киргизы * у подошвы * горы сей копали медные и свинцовые руды, и до сих пор видны еще глубокие ямы. Сам хан Атагаевской волости Вали-хан кочует поблизости оной, от коего запрещено киргизам, под смертную казнию, открывать русским о сих рудах. Киргизы занимаются ловлею хищных зверей, обитающих по сей горе в таком множестве, что <они> часто <причиняют беспокойства, а нередко и> ** вредят ** проходящим малым караванам. Оттуда мы следовали на урочище Тур-Айгр, омываемое речкою Салентою, вытекающею за 500 верст извилинами из горы Ирейменя и впадающею в Кукчетавское озеро. Близ Тур-Айгра находится озеро, имеющее в окружности около 30 верст, под названием Кечубай-Чаркар, по середине коего вышли из воды два камня, наподобие небольших домиков; по одну сторону на крутом берегу сего озера видно кладбище киргизов, где над могилами построены деревянные четверугольные надгробные памятники; у некоторых курганов мы видели воткнутые копыя и сделанных из дерева ястребов; спросив на сие истолкования, узнали, что копые означало славного наездника, а ястреб птицелова. <Могилы они роют неглубокие, но зато сверху наваливают груды земли и камней. Набожные киргизы тела богатых родственников своих летом увозят в Туркистан, чтобы там предать погребению у гробов святых своих, а в зимнее время, не имея средств без подножного корма туда уехать, вешают их на деревьях, обвив войлоками и бязями, и по открытии весны увозят уже в Туркистан. Проезжая зимой по киргизским степям, с ужасом иногда встречаешь подобные развешанные на деревьях, покрытые инеем, обледенелые тела, качаемые бурным ветром.>

Близ сего озера киргизы Атагаевской и Сибан-Киреевской волостей имеют зимовки, меняя проходящим караванам лошадей, верблюдов и баранов.

Мы пришли в то самое время, когда они судили одного из своих собратий. Собранные по повелению хана старые бии, сидя с важностию на разостланных по траве

---

* * в круг

** ** делают вред

коврах, приговорили преступника к смерти. Приговор исполнен был в одну минуту: на шею несчастного накинули аркан, привязали конец одного к лошадиному хвосту, и всадник скакал по степи, влача его за собою до тех пор, пока он не испустил дух в ужаснейших мучениях. Спросив о его преступлении, я весьма удивился, узнав, что его казнили за кражу двух в волости баранов, когда самые же сии киргизы по поводу частной ссоры с соседями ездят по ночам в чужие волости и отгоняют целые стада рогатого скота и табуны лошадей, возвращая оные не иначе как через выкуп посредством нарочно собираемых на тот случай с обеих сторон биев. Баранты сии дозволяются по их обыкновениям и врожденному побуждению мстить за обиду и не вменяются в кражу.

С растерзанным от сего зрелища сердцем мы отправились далее на урочище Карабатыр-Чука, называемое Яланды, что значит по-киргизски змей¹¹; ибо в сем месте их великое множество. Мы шли от самого Тур-Айгра до урочища Домбралы, отстоящего на день езды, густыми лесами, имея по обеим сторонам крутые горы; <ветр с шумом потрясал листья деревьев и завывал в ущелиях гор, разнося крики хищных зверей и воронов, гнездящихся в лесах сих>. В сем месте дорога весьма опасна по причине набегов киргиз, скрывающихся в окружности лесов; мы следовали с большею против обыкновенного предосторожностью, делая для устрашения хищников по временам выстрелы, и, к счастью, прошли благополучно, ибо, хотя некоторые из них и покушались украсть лошадей наших, но, как мы двоих поймали и высекли розгами, то другие уже нас и не беспокоивали.

Оттуда мы пошли по тракту на урочище Кучаку, где, встретясь с средней ордой Туртаульской волости, *оставались* на двое суток для промену усталых и неспособных верблюдов и запаслись к продовольствию баранами.

За два дни до прибытия нашего похоронили они старшего бия. Богатые родственники в память умершего сделали по обыкновению празднество, на которое приглашены были почетные люди поблизости кочующих волостей; разставили до 15 больших юрт; гости пили кумыс, а жены покойника завывали, драли на себе волосы и царапали лицо, <прославляя его храбрость, любовь к

---

* * остановились

ним и верность. Они выщитывали: сколь он был щедр, с каким старанием смотрел за табунами, сколько своим мужеством забрал невольников, сколько похитил скота и так далее>. Зарезано было для ясты до 80 лошадей и 60 баранов. После полудня, когда жар стал несколько уменьшаться, началось кэнское ристание. Мета (или барьер) поставлена была чрез пространство 40 верст; за несколько верст до меты разставленные на лошадях киргизы коль скоро замечали, что у состязавшихся лошади на столь великом пространстве ослабевали, подсакивали к мчащимся всадникам, подхватывали их <для облегчения лошадей> под руки и по несколько верст протаскивали за собою, зацепляя <задыхающихся> их лошадей арканами за поводья и стремяна * Сквозь густую пыль, поднявшуюся до облаков от копыт несущихся коней, мы видели, что некоторые, желая пересечь путь своим соперникам, были с воплем опрокидываны. Иные лошади, не выдержав столь дальнего расстояния, издыхали у меты, а некоторые с переломленными ногами тяжело падали посреди поприща ¹² вместе с своими всадниками *. На первую обогнавшую лошадь назначено было в награду 75 лошадей и 7 калмыков, на вторую 40 лошадей и 25 коров, на третью 30 коров и 20 баранов и так далее, на последнюю же лошадь полагалась одна кобыля голова. По окончании конского ристания ели приготовленные кушанья, шумели, веселились и разошлись уже почти на другой день утром, <получа на память лоскутки разрезанного платья покойника>.

Так как мы безпрестанно удалялись от границы, подходя к киргизам, не имеющим уже никакого сношения с Россиею, то, в отвращение могущих случиться нам притеснений от них и дабы не сбиться с тракта, разведывали, где кочует с Копытскою волостию султан Худай-Менда, славящийся неограниченным уважением и властью над соседственными киргизами, надеясь выпросить у него жозатых, которые знают водяные и безопасные места. Нас уведомили, что он кочует за рекою Ишимом у реки Нуры, при урочище Акмуле.

На другой день мы выступили к Ишиму, перешли реку вброд при урочище Хотай-Берген и остановились в сем

---

* *Многие из киргиз падали, некоторые лошади переломали себе ноги, а иные, не выдержав столь дальнего пространства, подыхали на месте.

месте на трое суток. Козаки ловили белую рыбу, и весь караван ею питался. Сделав совет с караваном, мы послали к султану Худай-Менде, дабы он снабдил нас 2-мя вожатыми и позволил бы пройти с караваном по его волости. Мы ожидали ответа еще трое суток на одном месте и, наконец, не дождавшись его, на 6-й день пошли далее, вырезывая по временам на деревьях и камнях русские надписи и означая имена наши, год, месяц и число.

Близь речки Кузукуч, впадающей из Нуры в Ишим, мы встретили близь озера Маликуль проходящих киргизов, не имеющих никакого скота; все они были пешие, в разодранных рубищах и несли на себе детей. Они с давнего времени разорены соседями от баранты и с большою нуждою пропитание имеют ловлею рыбы, которую для сохранения зарывают в землю. Будучи далеко от границ наших, они не могут иметь никакого сношения с Россиею. Большая часть из них для снискания дневного пропитания находится у кочующих поблизости киргизов в услужении, которые заставляют их переходить на кочевье за собою пешими. Нещастные сии собственных детей своих, чтобы они не умерли с голода, продают проходящим караванам под видом калмыков.

Мы вступили в степь, занимаемую Корпутскою волостью, где от приверженных к нам киргизов были уведомлены тайно, что Куенстагай-Кирсенской и Кирней-Каракисецкой волостей киргизы хотят сделать на нас нападение при переходе чрез реку Нуру, близь урочища Акмулы. Видя угрожающую опасность каравану и не имея средств избежать оной, я отправил тайно, по данной мне инструкции, к корпусному командиру с нарочным одним урядником при двух козаках рапорт, донося ему о злоумышлении киргизов и требуя помощи. Сами же, пристраивая себя к той волости и переходя с ними с места на место, во ожидании подкрепления, принуждены были уклоняться безпрестанно от настоящего тракта. <Какая была противоположность между нами и нашими новыми товарищами: они с торжественным видом перекочевывали с места на место; женщины их (по обыкновению в таких случаях), наряженные в самые богатейшие шелковые халаты, всегда ехали верхом на лучших конях, покрытых хорошими чепраками и украшенными перьями; мужчины окружали их вооруженные; впереди дети и старики гнали тучные стада, а сзади шли навьюченные именован¹³ и юртами вер-

блюды, прикрываемые также частью вооруженных киргизов. Напротив того, > все купечество наше, можно сказать, было в отчаянии: все думали, что лишатся вместе с имением и жизни. Одна надежда оставалась на отдаленную помощь с границы. Мы часто всходили на горы, смотрели в подзорные трубки в даль необозримых степей, разделяющих нас от России, не идет ли ожидаемый нами отряд; но оный не появлялся. Иногда, видя поднимающуюся вдаль пыль, мы радовались, воображая увидеть русских, но приятные мечты сии часто нас обманывали. Придумывая, как бы доставить сведение о местопребывании нашем отряду, который, предполагали, следует уже по степям в подкрепление к нам, мы зарывали в пепел записки с означением, по какому тракту следовали; на деревьях и на встречающихся развалинах пирамид вырезывали русские надписи, в ночи зажигали маяки, привязывали к стрелам горящие головни и, пуская их вверх, мнили подать тем знак о себе. Для устрашения хищников на вечерней заре делали по 20 и 30 выстрелов из большого ружья, которое, дабы издавало больший гул, вставляли в колесную трубицу¹⁴, обшитую войлоками наподобие пушки. Хищные киргизы, узнав о сношении нашем с Россиею, хотя и были в заговоре с несколькими волостями, однако напасть не решились. Мы видели их большими толпами разъезжающих вблизи нас, вооруженных копьями, ружьями, саблями и бердышами. Причина намерения их разбить нас было мщение к руским за то, что посланным отрядом козаков за несколько лет тому назад они были наказаны угоном скота за ограбление российского каравана купца Свешникова с товарищами. В сие столь критическое для нас время, к довершению нашего отчаяния, султан Худай-Менда, страшась принятием нас к себе раздражить киргизов и чтоб, в случае разбития каравана нашего в окружности волости его, не пала на него вина, объявил нам через посланных от него теленгутов¹⁵, дабы мы к его волости не приближались. При сем известии мы уже совсем потерялись.

Наконец, по прошествии 29-ти дней, при переходе реки Кулан-Етмесь, близ древней пирамиды Бутагай-Там, подошла к нам часть столь нетерпеливо ожидаемого отряда, состоявшая из ста человек козаков, под командою штабс-ротмистра Елгашкина. Мы встретили их, как родных братьев, проливали от радости слезы, опорожнили

с ними несколько мехов вина и пошли уже без боязни на реку Яснан-Кунь, где, дождавшись остального отряда под начальством поручика Лукина, оставались для переговоров с султаном Худай-Мендою трое суток. Днем для безопасности разставляли пикеты в 3-х верстах от лагеря расстоянием, а в ночи, снимая оные, составляли из двух сот человек цепь; при обозе также содержали караул до сорока человек, и кони были безпрестанно в коновязях.

Султан, узнав о прибытии отряда, назначил мне для переговоров место на реке Якши-Кунь, в 20 верстах от лагеря, объявля, чтобы я никого с собою не брал, кроме самых необходимейших. Положась на обещание его не причинить мне никакого вреда, я поехал к нему с 3-мя офицерами и 2-мя урядниками. Султан разбил к приему нашему 10 палаток, вмещавших в себе каждая от 30 до 40 человек. При нем было триста киргизов, вооруженных, в панцырях и кольчугах. Султан имел около 60-ти лет от роду, был росту среднего и видом мужествен. Вошел в палатку, я увидел собранных почетных биев тех волостей, кои покушались напасть на нас. Султан объявил при них, что отклонил киргизов от намерения ограбить нас с тем условием, чтобы отряд козаков был возвращен в Россию. Он подчивал нас чаем; вручил мне письменное обязательство помянутых биев не делать нам никакого вреда и, продержав нас у себя около двух часов, позволил пройти с караваном мимо его волости по реке Кунь, на урочище Айртау (раздвоившуюся гору) ¹⁶. В сем месте он лично осматривал караван. Проходя мимо волости, штабс-ротмистр Елгашкин, чтобы заставить хищных киргизов быть в почтении к нам, растянул при караване отряд расстоянием почти на полверсты. Султан Худай-Менда дал нам проводниками 16-ти летнего сына своего, Султана Кунгур-Ульжа и племянника Балхаира Султана с теленгутами, сделав им нужные наставления и объявил желание свое, чтобы в продолжение 12-ти дней, то есть до того времени, пока мы с караваном выйдем из опасных мест, отряд, не возвращаясь в Россию, оставался на месте. Здесь купцы делали обмен верблюдов и лошадей, и многие брали их в наем до обратного пути.

Мы простились с султаном и пошли с новыми * вожаками * нашими * колодцами и небольшими речками, <на

---

* * вожаками

коих видели множество черных турханов, различных родов гусей, уток, куликов и лебедей>. До сих пор мы останавливались для отдыха большею частию при речках или колодцах, но в сем месте принуждены были от оных * уклоняться *, ибо поблизости их скопляется множество змей и разных ядовитых гадов, <шипение коих мы издалека еще слышали>. Проходя мимо каменистых гор Октау и Уратау, повстречали киргизов Юсун-Конрадской и Альчинской волостей, имеющих при себе разное оружие. Они столь зверски, что за отказ напойки табаку¹⁷ бьют и секут нещадно людей, проходящих мимо их с малыми караванами. Нас самих отгоняли <они> безпрестанно от колодцев и не давали даром черпать воду, заставляя оную покупать. Чтоб не умереть от жажды, мы принуждены были из каравана отдавать им разные безделицы.

Близь реки Сарысу нашли <мы> на кочующую Ченгар-Каракисецкую волость, из коей киргизы вывозят на тракт к проходящим караванам выработанный свинец в слитках, который они достают поблизости гор сих в большом количестве. Идя по течению реки сей трое суток, мы повернули с полудня на восток и пришли в песчаные сопки, называемые Джиты-Конгур, где дорогою находили алебастровые утесы наподобие стекла и известковый камень; на ровных местах видели самую мягкую растрескавшуюся красную землю (признак рудных мест), на коей, кроме 2-х родов полыню [= полыни], не растет никакой подножный корм. Один род полыню сего годен токмо для сварения кушанья¹⁸, а другой служит сытным кормом для лошадей и верблюдов. Деревья в сем месте весьма мелки; терновник замедлял ход наш и царапал в кровь ноги лошадям и верблюдам.

От самого урочища Кулан-Етмесь люди в караване нашем, не могши переносить <действия> вредной воды, страдали расслаблением, головной болью, животом и теряли аппетит. Одно средство излечать их от сей болезни было: растворять в воде взятую с границ наших землю, которую мы, опуская в котлы в узлах, варили; даже изнемогающим лошадям лекарство сие приносило большую пользу. Песками чрез сопки мы шли <целые> 7 дней: пили из засоренных селитренных колодцев, выкопанных

---

* * отклоняться

киргизами во время переходов на кочевье: колодцы сии, несмотря на усталость нашу, мы принуждены были очищать. Здесь, кроме камышу, лесу вовсе нет; изредка пролегают луга, и кочующие поблизости киргизы Таминской волости, не имея средств пасти стада, занимаются одною ловлею диких коз и куланов, набегающих на сии колодцы.

По 7-ми дневном пути, пройдя мимо соленого озера Кукча-Туз, мы прибыли на необозримую безводную степь, где, кроме терновника, никаких <уже> растений не встречали. Будучи предуведомлены вожатыми о сем безводном пути, <мы> запаслись на полтора дни водою в кожаных мехах. <Тут> видели мы древнюю каменную надгробную, называемую Уванас, в виде пирамиды, стоящую на возвышенном бугре сей безмолвной, никем не обитаемой степи. От сей надгробной, расстоянием езды на одни сутки, мы пришли на реку Чуй, изобилующую рыбами <как-то: щуками, сомами, язями и окунями>. В камышах, простирающихся около 3-х верст в окружности берегов, обитают барсы, тигры, рыси и кабаны. Поблизости сих мест зимуют киргизы Алчинской, Конродской и Таминской волостей; они пристрастились к звериной ловле до такой степени, что проводят в сем занятии весь век свой. Перейдя реку Чуй, отправились опять безводными песками до пограничного города Туркистанского владения Сузака.

<Туркистанское владение прежде сего имело особого владетеля, который управлял оным независимо; но в 1814 году совершенно покорено Коканиею, управляется ныне коканскими наместниками и влилось в состав Коканского государства. Владение сие граничило к северу с киргизскими песчаными степями, к западу с Бухариею, к югу с черными закаменными киргизами, а к востоку с рекою Чуем. Здесь, по мере приближения во внутрь Туркистанской области, путешественник встречает более образованности в гражданской жизни; уже начинает видеть обработанные поля, постоянные селения, и наконец представляются взору его красивые города, в коих находится множество памятников и гробниц, заключающих в себе прах их святых. Сюда стекаются всех состояний соседственные азиатцы на поклонение угодникам, а богатые привозят тела родственников своих, дабы погребсти их вместе с оными.

Климат гораздо лучший. Земля производит различные плодоносные деревья, и обильные поля украшаются душистыми цветами. Здесь некоторым образом управляют законы, которые совершенно предоставлены в руки духовенства, оно разбирает все тяжбы, ссоры и определяет наказания; так видим мы право феодального правления в века младенчества всей Европы. Туркистанца видишь уже не таким свободным, вскормленным природою среди степей человеком, каков киргиз, — он сжат, скрытен, надменен и уже знает различные ухищрения и обманы, к нещастию столь тесно соединенные с гражданскою жизнью. Жители сей страны также исповедуют магометанскую веру; в супружество берут по большей части соседственных киргизок, и каждую из жен своих помещают в особый дом.>

Дорогою <к Сузаку мы> находили весьма много черепак. <В исходе сентября> на разсвете караван остановился в 4-х верстах расстоянием от города. Я с чиновниками и султанами был приглашен к правителю, или губернатору города; он нас угощал чаем, виноградом, дынями; подчивал курительным табаком и потом позволил осмотреть город. Сузак заключает в себе до 500 каменных домов, выстроенных столь плотно один к другому, что, войдя в улицу, думаешь видеть ее огороженную каменным забором; окна в домах выстроены <вообще> на двор, во всем городе одна токмо круглая улица *. Город сей стоит на возвышенном месте, в яру обнесен высокою каменною стеною, внутри изобилует ключами; до 200 человек гарнизону охраняет город. В предместьи его находятся пашни и рассеянные юрты бедных киргизов; жители трудолюбивы, занимаются хлебопашеством и ** производят мену ** товаров с кочующими на Сарысе и Чуе киргизами. Женщины их весьма ласковы и столь знакомиты¹⁹, что приходили многие из них в караван наш. Брат Туркистанского владетеля Султан Шай-Темир управляет сим городом. Так как проводник наш, Султан Кунгур-Ульжа, был родственник управляющего городом, то сей последний, хотя и мог порученных моему надзору коканских посланников задержать, сделать своими пленниками, ибо туркистанцы имели тогда войну с Коканиею,

---

* сделанная наподобие лабиринта

** ** имеют мены

однако, в угодность Султану, он не только не причинил им никакого вреда, но совествовал еще для их безопасности, дабы Туркистанский владетель, брат его, не узнал о их присутствии, идти к стороне Черной горы, Каратау называемой, в 25 верстах от города отстоящей. Он взял * пошлины * с каравана по оценке — сороковую часть.

Избегая могущих случиться с караваном неприятностей, <мы> приняли совет его и пошли степью, простирающеюся на пять суток езды. Мы повстречали в сем месте киргизов, которые от набегов разбойников и черных <закамененных> киргизов имеют каменные укрепления, поблизости коих видны обработанные поля и подвижные юрты. Они занимаются хлебопашеством, променивая хлеб кочующим киргизам на скот, который опять передают проходящим караванам за товары. В опасных случаях они в укреплениях своих скрывают стариков, жен, детей и скот, защищая их до последней капли крови.

По пятидневном пути дошли мы до урочища Чулак-Ашу, то есть короткий переход, где соединяется гора Алатавская, смежная с обитателями черных закамененных киргизов. Перешед гору сию, пошли ровными местами по протекающим ключевым речкам к каменной горе, называемой Арастан-Тау, то есть львиная пещера.

<Привлекательное положение мест, запас ароматических трав и душистые цветы, коими усеяны были зеленеющие берега сих прохладных речек, сокращали для нас дорогу, соделывая оную весьма приятною.> В горе Арастан-Тау находится просторная, ископанная природою пещера, имеющая с четырех сторон входы. По одному из оных, который был отложе, я на лошади въезжал в пещеру, обросшую мхом и наполненную обломками камней и сухих прутьев; кажется, нога человеческая никогда не вступала в оную. Взойдя на гору, мы могли обозревать на расстоянии 20-ти верст отдаленные предметы, <позлащаемые лучами восходящего солнца>. Вдали видны были впереди юрты большой Киргиз-Кайсацкой орды Юсун-Сыргалинской волости, кочующей при реке Буралтае, вытекающей из горы Алат-тау. Для ночлегу мы пошли к сим юртам, и хозяева оных не причинили нам никакого вреда.

Переночевав, отправились на туркистанский город

---

* * пошлину

Чимкет, завоеванный коканцами, близь коего видели обиталище прежних киргизов, их сады, курганы и поля. Теперь все это запустело, ибо они перешли кочевать к китайским границам. Мы расположились ночевать на речке Арс, с шумом выпадающей с гор. <Опустелые места сии и курганы, по временам освещаемые бледным сиянием луны, проглядывавшей между гонимых бурным ветром тучь, живо напоминали о превратности времен и о гибельных войнах, поглощающих целые государства и народы. В сих самых местах, где раздавались некогда по пригоркам клики тысячи людей, теперь нарушается безмолвная тишина одним шумом клубящейся с гор реки, и встревоженный обитатель давно покинул жилище, где некогда вкушал прелести беззаботной жизни.>

На другой день мы дали знать о своем прибытии начальнику, который принял меня ласково, угощал бывшего со мною у него офицера и некоторых козаков и дал для сопровождения до города Ташкента 200 человек войска. Чимкет находится при реке Бодаме; выстроен на возвышенном месте и обнесен к яру весьма высокою стеною. Въезд в город со стороны реки по узкой дороге, не позволяющей ехать иначе, как в одну лошадь. Вода, пущенная из реки чрез сделанные в стене окошки, наполняет ископанные в городе каналы, на коих построены мельницы. Дома выстроены из нежженого кирпича, наподобие китайских, без окон, почему для свету в квартирах везде видишь растворенные на улицах двери. Женщины их <довольно пригожи,> обходительны и не скрываются от мужчин.

Для отдохновения лошадей и верблюдов мы пробыли с караваном на одном месте в 3-х верстах от города трое суток и потом пошли меж гор к помянутому городу Ташкенту. На другой день дошли до высочайшей горы Козыгурт, на высоте коей, утверждают азиатцы, будто находится днище Ноева ковчега. Так как гора сия имеет <безчисленное> множество хребтов и ущелий, в коих скрываются хищники, то я и не мог быть на ней. Ночевав на речке Калесе, выпадающей меж двух гор от черных киргизов, на 3-й день подошли к Ташкенту, и за 5 верст остановились на речке Каракамыш.

<Ташкентское владение граничит к северу и западу с Бухариею, к югу с хребтом Кындыртауских

гор, а к востоку с черными закаменными киргизами. Оно было сначала независимым, но теперь присоединилось также к Кокании. В сем месте самый лучший климат и, можно сказать, почти вечное лето. Земля производит все то, что может удовлетворять вкусу и взору самого роскошнейшего человека. Проезжая владение сие, везде видишь виноградники и фруктовые сады, в коих гранатовые, апельсиновые, персиковые и фиговые деревья сгибаются под тяжестью плодов своих, а беспрестанно встречаемые ключи, речки и искусственные водопроводы, осеняемые высокими тополами, кажется, призывают путешественника к прохладным струям своим. Ташкенцы здоровы, безпечны, роскошны, преданы до чрезвычайности веселостям, разнежены, любят музыку, ласковы и страстны к женщинам. Въезжая в города, встречаешь жителей, беспрестанно толпящихся на улицах, пляшущих у ворот или увеселяющихся в садах своих музыкою; там кажется вечное празднество. Кроме особенного класса ремесленников, они все вообще ведут праздную жизнь, довольствуясь изобилием садов своих: податей никаких не платят и идут в службу единственно по доброй воле. По случаю беспрестанно проходящих караванов там вечное стечение различных азиатцев. Ташкенцы исповедуют магометанскую веру. Женщин запрещается видеть под строжайшим наказанием, даже родные не имеют права входить в комнату родственниц, — хозяева домов для приема гостей имеют отдельные комнаты. Я женщин видел токмо на базарах, но под покрывалом; они стройны и одеваются весьма богато, накидывают на себя халаты, на головах носят чалмы, а на лицо спускают волосяную сетку, которая пришивается к халату.>

Когда <мы> уведомили о своем прибытии главнокомандующего, то он, выслав тамошних чиновников для взятия пошлины с каравана, пригласил меня с козацким офицером к себе, принял весьма ласково и просил с находящимся при нас из 40 человек отрядом идти в самый Кокант, обещая всякое с своей стороны пособие; каравану же предложил войти в город.

После мы уже узнали, что все сие делал он единственно для того, чтобы иметь случай предать нас всех владе-

телю своему. Он отвел нам по другую сторону города палатки, где мы с отрядом отставлены были четверо суток под благовидным предлогом дать отдых изнуренным лошадям нашим. Когда же вздумали следовать далее, то, дабы обезсилить малый отряд наш, принуждал оставить для присмотра за пристальными [= усталыми] лошадьми 15 человек козаков при одном уряднике, и задержал караван, хотя и взял с него пошлину.

Должно было повиноваться необходимости; я оставил в городе караван и помянутое число козаков, а с остальным отрядом и посланниками, коих он много распрашивал и почти силою вынудил отдать ему в подарок всемиловестивейше пожалованные в Петербурге халаты, выступил в поход без проводников, не успев осмотреть города. К щастию, один из бывших со мною посланников знал дорогу.

Мы переходили с большим трудом вброд реку Чирчик; она так быстра, что увлекает за собою камни, и лошади едва в состоянии были идти <через нес>. За 15 верст не доходя сей реки уже слышен * шум * ее; <даже козы, барсы и тигры, страшась сего шума, далеко бегут от нее в леса или скрываются по ущелинам гор>. Она выпадает с стремлением с <касающейся почти до небес> горы Кындыртау, которая нам была видна еще из Ташкента, наподобие облака. На вершине горы сей лежат вечные снега, а внизу видишь множество <плодоносных> дерев, лесов и ключей. <Разительное положение сих мест, сия река с стремлением увлекающая за собою камни, и сии глыбы вечных снегов, грозящие как будто низвергнуться с вершины горы, дабы подавить зеленеющие долины, кажется, ожидают превосходной кисти Сальватор-Розы и Эвердингена²⁰.> Мы обошли гору и вошли близь реки

Дарии в ущелие каменистых гор, которые, возвышаясь по обеим сторонам вверх более нежели на 30 сажень, образовали дорогу, до 10-ти сажень широты имеющую. Навислые камни, выросшие на крутых утесах гор сих, казалось, угрожали нам своим падением. Между сих гор разбросаны коканские селения восточных персиян, называемых гольчами²¹, т. е. горскими народами, которые занимаются хлебопашеством и разведением фруктовых садов, лошадей не имеют и употребляют в работу <од-

---

* * рев

них > верблюдов. Жители сии весьма свирепы, обходились с нами очень грубо. Они весьма равнодушны к женщинам и, не подражая обыкновениям ташкентским, позволяют им ходить с открытыми лицами.

По тракту на Кокант мы пошли мимо горы Ходжанд, в 15-ти верстах от горских жителей отстоящей. По дороге находятся обработанные поля, а вокруг горы вырытые ямы, где ташкенцы добывают бирюзу. Не в дальнем от сего расстоянии видели поблизости ключей древний памятник, имеющий внутри отверстие, посреди коего выкладена каменная могила. В сем месте мы останавливались и поили верблюдов и лошадей.

Оттуда идучи близ переправы реки Сыр-Дарьи песками, усмотрели влеве на возвышенном месте стоящие каменные здания наподобие казарм, никем не обитаемые; судя по тому, что оные строены с известкою (которую вовсе не употребляют ни ташкенцы, ни коканцы, ибо они делают связи из глины с хлебными пелесами)²², должно полагать, что здания сии построены прежде обитавшими в сих местах народами. Остановясь против маленького городка Камыш-Кургана, близ ключей, ночевали и на другой день уже пошли на самую реку Сыр-Дарью, имеющую около 150-ти сажень широты. Переправа через оную устроена на больших судах, наподобие садков²³, вмещавших в себе до 70-ти верблюдов; за отмелями суда сии не могли подойти близко к берегу, и мы принуждены были вести верблюдов до оных вброд, а потом с помощью людей втаскивали их в суда. Лошади же наши переплыли реку вплавь. Для нас довольно странною показалась сия переправа: по вводе верблюдов с тюками коканцы к каждому судну привязали по пяти взнузданных лошадей за гриву к стегни²⁴, две из них были по сторонам носа, две по сторонам кормы, а одна привязана была сзади вместо руля. Лошади сии пустились вплавь, заменяя греблю и таща вместе с собою судно; у каждой лошади приставленный особый человек управлял поводами так, чтобы все они вообщеплыли несколько наискосок течения. Когда суда пристали к берегу, то лошадей отвязали и вывели на берег. Несмотря на быстроту реки и на тяжесть груза, мы не заметили в оных никакой усталости. При сей переправе содержится караул из 20-ти коканцев. Так как нас на переправе сей встретил откомандированный от коканского владетеля чиновник,

то мы не заплатили за переправу той пошлины, которую обыкновенно берут с проходящих караванов.

Переправясь очень рано, пошли мы с провожатыми по лежащему тракту чрез песчаные горы, где на пространстве 20-ти верст совершенно никаких произрастений не встречали, и, подойдя к деревне * Караполясам *, остановились ночевать. Жители оной занимаются хлебопашеством, разведением садов, шелковичных червей и посевом хлопчатой бумаги²⁵. Деревня сия заключает в себе до тысячи домов, складенных из глины, без полов, окон и печей, в коих для холодного ** времени сделаны каминны. В деревнях <коканских> женщины от мужчин не скрываются. Поселяне живут без нужды, ибо никаких податей не платят, кроме того, что в проезд тамошних чиновников обязаны давать им содержание и квартиры; рекрутских наборов не знают и идут в службу единственно по доброй воле. Земля у них хотя глинистая и солонцоватая, но весьма хлебородная. Мы шли целой день деревнями и при закате солнца, около 5-ти часов подошли к городу Коканту.

<Коканское государство, до присоединения к оному Туркистанского и Ташкентского владений, граничило к северу с черными закаменными киргизами, к западу — кочевными арабами и трухменцами, принадлежащими Бухарии, к югу — восточными горскими персианами, называемыми гольчами или каратигинями²⁶, а к востоку — областию Кашкарнею. Ныне же, как уже выше сказано, помянутые два владения, поступя в состав Коканского государства, увеличили собою границы оногo. Сии самые страны, известные европейцам под названием независимой Татарии, были тою колыбелию, из коей вышли все народы, погромившие почти весь тогда известный мир и коих потомки и поныне владывают над Азиею. Большая часть народов, прилегающих с восточной и юго-восточной сторон к коканской порубежной линии, ныне подданные или данники китайцев, покоривших их силою оружия в 1789, 790 и 791 [=1790 и 1791] годах²⁷.

Самые достопримечательные города, находящиеся поблизости Коканского государства, суть: Самар-

---

* * Кара полясан, лежащей на речке

** токмо

канд, столица славного Тамерлана; Балка и Бокара, известные безпримерною жестокостию Чингис-хана; Отрар, где умер Тамерлан, и Тонкат, в коем Чингисхан держал общий сейм всех ханов, правителей областей и военачальников своей империи. На сем сейме представлялось ему тогда 500 человек посланников от покоренных им земель, а один из его сыновей сделал подарок ему, из 100 000 лошадей состоящий! В сем месте климат жаркий и, по мере приближения на восток, делается столь нестерпимым, что даже птицы, не будучи в состоянии переносить зноя, улетают далеко от сих мест; по сему самому здесь встречаешь только скрывающихся в камнях и камышах небольших степных куриц, называемых гагля, и фазанов. Жители много бы имели сходства в характере с ташкентцами, но победы сделали их весьма надменными. Роскошь, нега и удовольствия, основанные на сластолюбивом свойстве, заставляют их изобретать различные способы к чувственным наслаждениям, и я не знаю, должно ли приписать скромности женщин их или чему другому, что во всем Коканском государстве нет ни одного публичного дома, ни одной женщины, торгующей своими прелестями. Коканцы имеют торговлю с Кашкариею, Китаем, Хивою, Бухариєю и восточными горскими персианами. >

У заставы города Коканта мы одели козаков в полную амуницию. Войдя в город, проведены были мимо дворца с посланниками до назначенного нам места в конце города, где поставлены были в саду, не имеющем никакого другого жилища, кроме одной избы. Здесь тот же час взяли от меня посланников и дали для козаков 2 юрты; я же для себя с сотником Безъязыковым разбил бывшую с нами палатку, а лошадей в саду развязали по коновязям. К нам приставили караул из 15-ти человек при 1-м чиновнике и не позволяли выходить вон из сада; лошади целые сутки не имели корму.

В ночи приехал ко мне визирь; сначала спрашивал: за чем мы приехали? Я отвечал ему, что мы прибыли для открытия с ними торговли и для препровождения посланников. Потом он сделал вопрос: где главные два посланника? И я должен был объяснить, что они были милостиво приняты Российским императором и отпущены, на-

деленные подарками, в свое отечество, что один из них на возвратном пути в крепости Петропавловской, ожидая караванов, умер от болезни, а другой по развратной жизни своей свел непристойное своему званию знакомство с сосланным <в заточение> солдатом, следствием коего было то, что он убил его, что за сие преступление по повелению корпусного командира сей солдат содержится под караулом в оковах во ожидании строжайшего наказания от государя императора. Наконец он спрашивал: где караван наш? И я отвечал, что градоначальник Ташкента оставил его в городе Ташкенте, а я по высочайшему повелению государя моего приехал сдать посланников и вручить владельцу высочайшую грамоту и подарки. Отобрав сии сведения, он от меня уехал. На другой день опять возвратясь, объявил, что владелец назначил для наших лошадей и верблюдов в сутки по 4 четверти белоярового пшена²⁸ и по 200 снопов сена, полагая на каждую лошадь и верблюда по 2 снопа сена и по 10-ти фунтов пшена; для нас же всех на 30 человек приказал давать: по одному барану, по 50-ти белых крупчатых хлебов, весом каждый в 1 фунт, по четверику сарачинского пшена²⁹, по полфунта низкого сорту чаю и по одной дыне. Для лошадей и верблюдов продовольствия сего было весьма недостаточно, и мы принуждены были прикупать * пшено сие * в дутках³⁰. Произрастение сие имеет вышины более двух аршин, а толщиною в три пальца, с большими листьями; на конце же оногo большая кисть с пшеном: сии дутки мы строгали ножами и клали в хрептухи³¹.

Мы прибыли в Кокант уже в первых числах октября. Зимы там не было, погода была теплая, деревья имели лист, и земля одета была травою. С утра до 5-ти часов вечера продолжался жар, а ночи были темные и несколько ** холодноватые **.

На другой день другой чиновник прислан был спросить меня: точно ли послан был караван для открытия *** торговли *** и действительно ли оставлен в Ташкенте?

В продолжение нашего ареста народ с утра до ночи толпился в саду смотреть на нас, как на чудо; рассматривали нашу амуницию, красные козацкие шапки, сабли, ружья и пистолеты; до сего времени они не видели еще

---

* * помянутое пшено
** ** холодные
*** *** коммерции

ни одного русского! Мы не имели покоя ни на минуту, и караул принужден был выгонять их палками. Когда нам позволено было лошадей выпустить на подножный корм, где пасутся токмо аргамаки владельца, то главные чиновники просили нас показать им конную и пешую экзерциции³². Козачий офицер выбрал лучших козаков, маршировал, палил плутонгами³³, делал атаку и сими маневрами совершенно изумил коканцев. По окончании экзерциции просили они показать им вблизи несколько козаков. Мы, дабы заставить их более быть в почтении к себе, посадили троих человек нарочно на тех лошадей, на коих в чушках³⁴ были уже заряженные pistols, а как козаки в дороге носили pistols в сакме³⁵ на сабельном поясе, то и вышло так, что каждый из них имел при себе четыре pistols, пику, саблю и ружье. Коканские чиновники, рассматривая все сие и записывая о количестве оружия каждого, говорили, что с таким вооружением один русский в состоянии защищаться противу ста человек, наподобие неприступной стены. Замечая, что подле высочайшей грамоты его императорского величества в палатке моей всегда стоял часовой, они спрашивали: неужели он не может отойти от сего места и не должен спать ни днем, ни ночью? И когда я рассказал, что часовой не токмо за сохранение вверенной ему вещи отвечает жизнью, но что и за оставление поста своего неминуемо по законам расстреливается, то они сему чрезвычайно дивились.

По прошествии 11-ти дней ареста мне назначили день для поднесения владельцу амиру Валлиами³⁶ высочайшей грамоты и подарков. От самого нашего сада до дворца, то есть на разстоянии 15-ти верст, выстроены были по обеим сторонам дороги конные войска, вооруженные саблями, копьями и ружьями с фитилями. Гвардия их, называемая калеобатери³⁷, была на лучших аргамаках, в богатых платьях и в красных чалмах; прочие же войска имели чалмы белые.

Около 12-го часу утра я выехал из сада с офицером Безъязыковым верхом; козаки же наши были спешены и разделены на 2 взвода, между коих 4 человека при 1-м уряльнике несли ящик с высочайшею грамотою и подарками. Перед нами ехал главный чиновник в латах со щитом, имея возле себя вершника³⁸, который безпрестанно бил в литавры. Коканцы весьма удивлялись, что козаки, не разстроивая взводов, шли прямо чрез пропущенные по

улицам ключи, хотя вода и не касалась им выше лодышек, и называли русские войска безсмертными. При приближении нашем к каждой сотне начальник оной всегда присоединялся к провожавшему нас чиновнику и следовал рядом с ним до другой сотни, где другой сотенный начальник сменял его. Пройдя конницу, мы увидели пехоту, которая хотя и стояла во фрунте, но держала ружья по своему произволу: иной к ноге, а иной на плечо. Нам заметно было, что за недостатком войска на столь дальнем разстоянии задние обегали другими улицами и опять становились впереди по назначенному нам пути.

Не доходя до дворца 150-ти сажень, нам приказано было сойти с лошадей, и мы пешие приведены были вместе с козаками к воротам обширной ограды дворца, где дожидались около получаса, пока о нас докладывали. Стечение народа было столь велико, что все возвышенные места, дома, кровли, стены и заборы усеяны были любопытными зрителями. У дворца мы видели множество наваленных мортир и пушек без лафетов³⁹.

Вышедшие из * ворот * два чиновника спросили: кому поручена грамота, и по получении ответа ввели меня в ограду и показали смотрящего из окна ** владетеля **, сказывая, чтобы я отдал ему такую же почесть, как своему государю. По их обыкновению, не дозволяется снимать шапок, и я, скинув шляпу и отдав ему поклон, надел опять оную. Около палат в ограде под навесами сидели на покрытых коврами возвышенных местах в ряд визири и все главные чиновники, составляющие верховный совет владетеля.

Я развернул высочайшую его императорского величества грамоту и переводное письмо государственного канцлера и, держа оные на голове обеими руками, приведен был под руки в комнаты владетеля, который сидел на возвышенном троне с ступенями. Владетель был не более 25 лет от роду⁴⁰, имел на себе китайского штофа⁴¹ на золоте блестящий халат, а на голове шаль с золотыми бахромами и кистями. Меня подвели к нему под руки два визиря, а 3-й отворял двери. Приказано было преклонить колено; и амир Валлиами, приняв у меня с головы грамоту и переводное письмо, отдал оные стоявшему подле него

---

* * ограды

** ** В рук. здесь и далее вместо термина «владетель» употребляется термин «владелец».

визирю; потом, привстав с трона, подал мне руку, которую, по их обыкновению, я должен был пожать обеими руками. После сего безмолвного приветствия меня взяли визири опять под руки и отвели, не оборачивая к нему спиною, к двери. Владелец опрашивал о здравьи его императорского величества и не имею ли я каких словесных повелений? Я отвечал, что не имею и что все заключается в сей грамоте и в имеющихся при мне двух письмах корпусного командира генерал-лейтенанта Глазенапа.

После сего вывели меня опять за ограду и посадили на разостланный богатый ковер против его окна, разстоянием от оногo на 8 сажень. Таким * образом вводили козачьего офицера Безъязыкова и посадили со мною рядом по левую руку. За нами под навесами сидели послы Китая, Хивы, Бухарии, Сарсауса ⁴² и восточных горских персиян. Приказано было ввести наш отряд и внести с подарками запертый ящик. Козаков, по обыкновению коканскому, посадили также на ковры поодаль нас, а 8 человек чиновников коканских, взяв четыре опояски и поддернув оные под ящик, подняли оной и понесли в комнаты владельца, показывая пред азиатскими послами вид о чрезвычайной его тяжести. Так как ключь от ящика был у меня, то владелец выслал ко мне за оным.

Главный визирь Мурза Малля чрез несколько времени вынес из палат на голове помянутую грамоту с переводным письмом и показывал оную верховному совету, который с почтением ее рассматривал; потом он обратно понес ее в палаты. Владелец, в изъявление особого удовольствия, сделал для нас, для азиатских послов и для чиновников своих торжественный обед, состоящий из сарачинского пшена, окрашенного розовою краскою, с лошадиным мясом; но мы не ели оногo, отзываясь запрещением нашей религии.

По окончании стола подняв нас, вывели из дворца, посадили на коней, и мы с прежним чиновником поехали обратно в отведенный нам сад. На возвратном пути некоторые из разставленных войск, удивляясь обтянутому платью козаков, стегали их плетками. Идущему на фланге козаку Любимскому сие приветствие столь не понравилось, что он, оборотя ружье, ударил одного прикладом в грудь и вышиб из седла; вместо того чтобы за сие сер-

---

* таким же

дяться, коканцы похвалили мужество его и громко смеялись. В последствии времени мы узнали, что тамошнему чиновнику ничем столько нельзя приобрести название храброго воина, как обижать и бить всех мимопроходящих; даже простой солдат их, которому не успеют дать дороги, толкает и бьет плетью каждого, и народ с подострастием * уступает ему * без ропота.

По возвращении нашем, в тот же день, владетель прислал к нам 2-х чиновников с просьбою, дабы мы доставили ему посмотреть 2 ружья и 2 пистолета, которые мы ему и послали; а как оные ему весьма понравились, то он, оставив их у себя, в замену того прислал нам в подарок 1500 серебряных денег (называемых рупей) величиною в российский четвертак. Монеты сей мы не хотели принять, но чиновники, высыпав оную в палатку на землю, уехали, — и мы деньги сии отдали в пользу козачков. С сих пор нам уже позволено было самим выходить из саду на базар; но караул все еще не снимали.

Чрез два дни офицер Безъязыков с старшим урядником был призван к секретарю владетеля, который, при собрании главных чиновников, подарил его от имени владетеля 2-мя халатами с опояскою, а урядника 1-м халатом, объявля волю владетеля, чтобы отряд наш чрез три дни возвратился в Россию, а что я, как посланный для открытия тракта, оставлен буду в Кокании до весны, по наступлении коей вместе с караваном и депутатами, долженствующими отправиться на Сибирскую линию для узнавания истинной причины смерти их посланников, возвращен буду в свое отечество.

Когда отряд выступил из Коканта в обратный путь, то я с оставшимися при мне 4-мя козаками и 1-м уряднике поехал проводить оный за город. Я уже тогда заметил, что за мною присматривают трое коканцев, когда они, подъехав ко мне, объявили, что уже пора возвратиться в город. Мы прощались с товарищами наших опасностей со слезами, полагая, что видимся с ними уже последний раз в жизни, и поручили им отвезти заочные благословения детям нашим.

Меня с урядником и козаками отвели в дом градоначальника и провели через три двора в отдаленную ограду дому его, имеющую кругом стену около 3-х сажен вы-

---

* * им уступает

шины, где поставлена была киргизская юрта; к ночи три двора сии запирались замками; к нам приставлен был из 10-ти человек караул с чиновником, и естли когда и позволяли выходить на базар, то с провожатыми. Во время ночи, дабы коканцы не покусились на насилие, я ставил у юрты своего часового, и ружья всегда были заряжены * боевыми патронами *. Мы поклялись, в случае опасности, продать дорогою ценою жизнь нашу. Так как мы опасались есть приготовленные ими кушанья и отсылали оные обратно, то нам определено было на каждую неделю по положению простого солдата: по 1-му полугодовому барану, по 7-ми фунтов на человека белого хлеба и по золотнику чаю.

По прошествии 12-ти дней, когда коканцы получили известие, что отряд наш вышел из их пределов, потребован я был к главному начальнику во дворец. Будучи окружен чиновниками, он спрашивал: каким образом я намерен расплатиться за убитого в России посланника? Платежом ли ** окупа ** на удовлетворение родственников его, как они того требуют из прибывшего со мною каравана, или принять их веру; буде же не захочу сделать ни того, ни другого, то буду казнен. Указывая на рель (виселицу), он говорил, что владетель <буде я приму магометанскую веру,> обещает сделать меня чиновником, дает лучших 3-х жен и 3-х аргамаков и что окуп за убитого заплатит из своих доходов; желая убедить меня принять их веру, он представил мне молодую, <богато одетую 15-ти лет прекрасную> девушку, несмотря на то что закон их воспрещает видеть женщин. Я отвечал, что окупа не могу заплатить, ибо караван принадлежит российскому купечеству, *** а не мне, и я располагать им не могу, *** изменить вере и своему государю не хочу, а смерти не боюсь, ибо уверен, что государь **** император **** не оставит Кокании без отмщения. Видя, что я отвечаю смело, он приказал отвести меня обратно. С сих пор градоначальник получил приказ приглашать меня к себе. Он делал <веселые> вечеринки, на коих играла музыка, пели песельники и плясали мальчики *****.

* * пулями

** ** В рук. здесь и далее вместо «окуп» написано «куп».

*** и я не имею о нем никакого права

**** **** мой

**** кон у чиновников заменяют наложниц

Так как я видался часто с первыми чиновниками, то некоторых из них преклонил подарками на свою сторону; иностранные же прикащики, бывшие в нашем караване, коих мы иногда встречали на базаре, удалялись, боясь говорить с нами, как с такими людьми, которые подверглись немилости владетеля.

Коканское правительство*, не получивши согласия моего на все казавшиеся ему лестные и выгодные предложения и, может быть**, опасаясь, чтобы я не искал какого-либо случая пробраться в Россию, решилось отдалить меня от тракта к оной и отправить к персидским границам восточных персиан, к стороне Китая.

Для исполнения сего намерения от имени владетеля ко мне был прислан чиновник, приглашая нас ехать на охоту в город Марглянд, отстоящий около 250-ти верст от Коканта, где владетель имеет свои луга и где в продолжение целого месяца с своею свитою занимается птичною охотою и травлею барсов и тигров. Хотя я и был тайно уведомлен <на одной из вышеупомянутых вечеринок>, что это один токмо предлог для удаления меня из Коканта, но должно было повиноваться.

Меня отправили с козаками на 2-х телегах, в сопровождении 1-го чиновника и 2-х вошиков, по тракту, лежащему к стороне Персии; ** мы старались на начлегах вслушиваться в разговоры и узнали, что чиновнику сему дано было тайное повеление препроводить нас на персидские границы в укрепление Ярмазар. Держась хребта гор Кашкар-Диван, пролегающих от Китая к городу Самарканду (Бухарскому владению) и проезжая множество деревень, мы выехали на пустую песчаную степь, имеющую до 40 верст в поперечнике. Видя удобное место, я бросился к чиновнику с обнаженною саблею, приказывая ему, если хочет быть жив, сказать без заpiresательства: куда везет нас? Дрожа от страху, он отвечал, что везет нас, по тайному повелению, в укрепление Ярмазар и что если я не хочу ехать туда, то могу отправиться по тракту в город Марглянд, указывая на синеющуюся вдаль, на разстоянии 50-ти верст, башню, которая, говорил он, построена в сем городе; и в справедливости слов своих, что действительно в той стороне находится Марглянд, заклинал себя Алкораном.

---

* * видя мою твердость и вместе с тем

** подозревая, что нас не в Марглянт везут

Мы поворотили на восток, держа на помянутый город, в который и прибыли через 2 дни. Проехав означенную песчаную степь, встречали безпрестанно разбросанные <многолюдные> деревни, коих жители совершенно ни в чем не нуждаются и ведут жизнь, <можно сказать>, щастливую, имея у себя большие фруктовые сады и пашни; на всех лицах написано было удовольствие; они занимаются изделием <хлопчатой> бумаги и разведением шелковичных червей.

Когда подъехали мы к городу, градоначальник оногo выслал к нам на встречу чиновников, которые и ввели нас в город. Стечение любопытных зрителей было столь велико, что улица, по коей мы ехали, можно сказать *, усеяна была * народом. Несмотря на то что чиновники, дабы дать нам несколько места двигаться вперед, били людей нещадно по головам плетьюми и давили лошадьми, [народ], как морской вал, безпрестанно напирал на нас. Нам отвели казенный дом, где, хотя и был приставлен для спокойствия нашего караул, но народ врвался силою в ограду, отбивал двери и толпился в комнатах в таком множестве, что **с трудом можно ** было дышать. Китайский посол, живший неподалеку от нас, видя безпокойствие наше и сжалившись над нами, присылал ко мне советовать, чтобы я своим козакам приказал бить народ и *** выгонять вон ***, присовокупя к тому, что без сего средства он не даст нам покою. Я отдал, сообразно сему, приказ, и хотя козаки и били **** любопытствующих **** из всей силы нагайками, выталкивая их вон и вытаскивая за ворот, но спустя несколько времени опять набиралось их столько же. В продолжение 8-ми дней нам не было ни минуты покоя; но уже после, когда нагледелись на нас, мы получили род некоторого отдохновения, которое нам было весьма необходимо. Когда китайский посол выехал, то нас перевели в занимаемый им дом.

Мы получали от градоначальника в сутки по фунту говядины и хлеба и по золотнику чаю, количество же фуража отпускалось то самое, какое и в Коканте. Приставленный караул никуда не выпускал нас, и мне токмо позволено было ездить к Дат-хану⁴³ (вице-королю) Мулла

---

* * захлебнулась

** ** негде

*** *** выгонять их вон без церемонии

**** **** народ

Шай, управляющему всеми окружными местами к стороне восточных персидских границ, который нисколько не сердился, что мы самовольно, против желания Коканского правительства, приехали в Марглянд.

Подарками я убедил его внушить хану о хорошем расположении России к Кокании и о пользе, какую может она иметь от торговли с рускими. В продолжение 3-х месячного пребывания нашего в Марглянде под арестом он очень хорошо принимал меня и обещал употребить все средства к исполнению моих желаний. Через его старание владетель дал повеление освободить нас и возвратить обратно в Кокант другим трактом, обведя кругом всего владения, для показания нам всех городов и сел, в Коканском государстве имеющих. Нас тотчас освободили, и в продолжение 3-х дней, то есть до выхода из города, я старался рассмотреть оный. <Народ, когда замечал, что мы без тамошних чиновников, то бежал за нами толпами, кидал в нас камнями и кричал: кафар! кафар! то есть: безбожники. Мы жаловались Дат-хану; он старался прекратить сии буйства, но, не будучи в состоянии обуздать самовольную чернь, советовал нам, дабы не обращать на себя народного внимания и чтобы избавиться от беспокойства, носить азиатские халаты и что, естли и за сим будут нас тревожить, то мы может быть нахалов сами>.

В сие время я получил известие из оставшегося в Коканте нашего каравана, что беглый казанский татарин Абдул провел в Марглянд бывшего в плену в Бухарии русского для продажи черным закаменным киргизам. Желая во что бы то ни стало освободить единоверца из неволи, я убедил Дат-хана отыскать татарина сего, говоря, что находящийся у него русский есть родственник одного из бывших при мне козаков. Дат-хан, не найдя его в городе, посылал чиновников в окрестности, и его схватили уже вместе с пленным у черных киргизов; их обоих привели в город и доставили ко мне.

Татарин так настрашал русского, говоря, что мы, будучи задержаны коканцами, никогда не возвратимся уже в Отечество и что его казнят вместе с нами, если он откроет, что он русской, что сей несчастной, дабы избегнуть распросов, притворился немым, показывая знаками, что он азиатец. Дабы привести его к признанию, я показывал ему образ, но он отталкивал оный. Один из козаков,

видя сие, прослезился, называл его своим братом, обнимал, но все было тщетно. Несмотря на столь упорное за-пирательство, я выпросил его у Дат-хана к себе, а татари-на отдал градоначальнику, который различными пытками заставил его признаться, что пленный сей действительно русской; что он сманил его из рабства из Бухарии и вел скрытно пешком для продажи черным киргизам под видом немого родственника, идущего на поклонение к Тах-Сулейман⁴⁴ (престолу Соломона). Татарин сей, страшась угроз быть предану смерти, заставил говорить русского, который наконец показал, что он был крепостной человек помещицы Курской губернии майорши Зыбиной, от коей в 1807 году бежав в Оренбург, был схвачен киргизами и продан за 40 червонных в Бухарию, где, находясь в рабстве, подговорен к побегу татарин^{ом} Абдулом, который обещал отвести его к находящимся в Кокании руским, но на дороге уверил его, что руское посольство задержано и что, если он присоединится к оному, то будет коканцами лишен жизни, и что по сей-то самой причине, дабы его не открыли, он и притворился немым. Дат-хан хотел повесить татарина, но я упросил не наказывать его смертью, а содержать под арестом до нашего выходу из Марглянда. За отыскание татарина и русского я подарил чиновникам 800 серебряных рупеев.

* Областный * город Марглянд содержит в себе около 30-ти верст ** в окружности **: укреплений никаких не имеет, кроме того, что в пяти верстах расстояния к границе восточных горских персиан находится крепость Ярмазар, имеющая в себе до 20 000 войска, от коей в 12-ти верстах расположена уже персидская крепость Алай. Дома в городе сложены из глины, без окон, улицы тесные; есть множество древних огромных памятников и портиков, из коих некоторые сохранены в совершенной целости. В середине города, в виде открытого храма, возвышается здание, внутри коего поставлено красное шелковое знамя. Коканцы почитают оное священным, имея предание, что оно принадлежало Патше Искандару⁴⁵ (Александру Македонскому), который будто, по возвращении из Индии, умер в песках и похоронен в сем месте, < хотя Плутарх, Ариан, Квинт-Курций и все прочие ком-

---

* * губернский

** ** поперешнику

Ментаторы единогласно утверждают, что он умер и похоронен в Вавилоне за 323 года до Р. Х. >. Во время определения в Марглянде нового градоначальника тамошнее духовенство берет знамя сие и с пением идет с оным чрез город к начальнику с поздравлением, который, в изъявление благодарности, привязывает на знамя в подарок духовенству богатую парчу, разные материи и дарит их деньгами, хлебом и яблоками. Рынок, или базар, устроен рядами; в назначенные для продажи два дни в неделю народ с утра до вечера толпится во множестве. Правительство строго смотрит, чтобы купцы не обмеривали и не обвешивали. В городе находятся разные фабрики, <на коих> выделывают персидские парчи, бархаты и разные азиатские материи, которые они передают в Бухарию и Кашкарию; от сей последней получают чай, фарфоровую посуду, в ямбах серебро⁴⁶, камфу⁴⁷, краски и все лучшие китайские материи.

Я видел, что восточные горские персиане скупают на базаре хлопчатую бумагу в шишках⁴⁸ и, наподобие караванов, отправляются пешие чрез Ярмазар в Алай чрез горы, неся на себе бумагу сию в корзинах. Жители города ведут жизнь довольную и спокойную; женщины их <пригожи, статны и> весьма щеголеваты, полюбили русских козаков и, когда замечали, что не было азиатцев, то подымали с лица сетку, разговаривали с ними и всегда хвалили русской закон, воспрещающий многоженство.

<Козакам они также нравились; каждый из них при виде женщины поправлял амуницию и, закручивая рукою свои длинные усы или гремя саблю, старался казаться молодцом.>

Нас отправили с 1-м чиновником из Марглянда в * провинциальный * город Андыджан, находящийся в 150-ти верстах, к стороне Китая. По дороге на упадающей из горы Кашкар-Диван реке Сыр-Дарье учреждена портовая застава⁴⁹ Ош, где взимается пошлина с проходящих из Китая и в Китай караванов. В правой руке на утесе помянутой горы мы видели построенные два древние здания, под коими находится большая пещера. Вожатый нам сказал, что здания сии называются Тах-Сулейман, по руски престол Соломонов, и что тамошние азиатцы каждой год ездят на поклонение к местам сим,

---

* * губернский

утверждая, будто в сем месте поклонялись духи Соломону. Здания сии никем не обитаемы.

Андыджан граничит с Кашкариею, окружен селениями, изобилует всякими фруктами; жители занимаются разведением шелковичных червей, выделкою бумажных материй и хлебопашеством; имеют торговлю с кочующими поблизости дикими черными закаменными киргизами, от коих и получают всякого рода скот. Чтобы не обращать на себя внимания любопытного народа, мы имели на себе при въезде азиатские халаты. Город сей не имеет никаких укреплений, кроме замка губернаторского, обнесенного вокруг стенами с 4-мя въездами, в коем помещено до 10 000 человек войска. Солдат их живет вместе с женою и лошадью; в 1-й комнате держит лошадь, а в другой жену. Градоначальник на своем иждивении содержит войско, уделяя на содержание оною часть доходов, получаемых от пошлины с привозных товаров. Дома выстроены в городе также из глины; улицы кривые.

Мы остановились в городе на два дни и оттуда отправились в город Намангант, расположенный в разстоянии 120-ти верст. По дороге видели луга, принадлежащие Коканскому владетелю, обнесенные выкопанными широкими канавами и камышом, при коих содержатся караулы, охраняющие птиц и зверей. Сюда приезжает владетель с большою свитою на охоту.

Намангант также не имеет никаких укреплений, кроме замка губернаторского; войска в городе не более 1500 человек. Город весьма многолюден, имеет бумажные фабрики⁵⁰ и почитается самым изобильнейшим на счет фруктовых деревьев, с коих плоды развозят во все города Кокании. Торговля производится также с черными киргизами.

Оттуда повезли нас в уездный небольшой городок Янакурган, отстоящий во 100 верстах от Наманганта. Дорогой безпрестанно встречали мы многолюдные деревни, <луга и пашни.> Город сей никакого укрепления не имеет, кроме небольшой в середине крепостцы, вмещающей в себе градоначальника и 200 человек войска, составленного из обывателей. Переночевав на отведенной нам квартире, выступили в путь и перешли чрез реку Сыр-Дарью, в 10-ти верстах от города протекающую, и, пройдя 12 верст кочующими каракалпаками⁵¹, занимающимися изделием ковров, шерстяных тканей, возврати-

лись в марте месяце 1814 года в Кокант для получения от владельца ответных к его императорскому величеству писем и для забрания оставшегося каравана. Подойдя к городу, я послал вожатого известить о нашем прибытии. Нас велено было отвести на квартиру к купцу, которому и поручили продовольствие наше. В продолжение 5-ти дней я настаивал о получении ответных писем к его императорскому величеству и о скорейшем отправлении нас в Россию, но как караван не был изготовлен к пути, то меня и перевели в ожидании сего в дом наместника, управляющего всеми визирями, коему хотя было и приказал владелец наградить нас, но он отклонил его от сего намерения, представляя, что не следует делать подарков за убийство посланника. Он велел мне быть готовым чрез три дни к отправлению в Ташкент вместе с козаками для ожидания там каравана, ответных писем и коканских депутатов, назначенных к отсылке на российские границы для узнания истинной причины смерти посланника.

В сие время я осматривал Кокант. Город сей весьма обширен и многолюден; <в нем считают до четырехсот мечетей;> расположен на * ровном месте * и не имеет никакого укрепления, кроме замка владельца, изобилует ключами; в окружности лежат деревни, луга и пашни; земля солонцоватая. В городе улицы узкие, немощеные; дома сделаны также из глины; посреди города построены три каменные рынка, на коих производится торг два раза в неделю; в нескольких местах находятся древние памятники и близ замка огромные из жженого кирпича конюшни для аргамаков владельца; войска более 20 000 человек.

<Кокант и все Коканское государство изобильно хлопчатою бумагою и шелковичными деревьями; везде видишь засеянные хлопчатою бумагою поля, из коей коканцы приготавливают ткани и меняют оную бухарцам на российские товары, как-то: на железо, выдр, сандал, купорос, канцелярное семя⁵², заморские коты⁵³, сталь, сукны и тому подобное.

Когда мы вступили в город, то все базары наполнены были коробами с яйцами шелковичных червей. Для меня странно казалось, каким образом коканцы разводят шелковичных червей. Женщины,

---

* * ровных местах

покупая яйца сии, завертывают их в мокрую тряпку и носят для доставления им испарения под грудями 12 суток. Когда черви начнут показываться из яиц, то их кладут под мокрую же тряпку в корзину и выставляют на солнце. К ним туда кладут для питания лист дерева, называемого тютъ⁵⁴.

Шелковичных червей сих такое изобилие, что, несмотря на вывоз шелков в Бухарию и на выделку из оных множества различных парчей для киргизских орд, шелки сии остаются с избытком до новых>.

Правительство очень строго смотрит, чтобы купцы не обвешивали и не обмеривали; при мне водили одного из них по всем улицам нагого, стегая плетками и заставляя самого кричать, что он обмеривал. Вообще коканцы судят без производства дел на бумаге, основываясь единственно на свидетельстве двух человек под присягою.

<Суд сей производит духовенство, которое собирается по приглашению главнокомандующего в особо назначенный для сего дом. Судьи садятся вместе с главнокомандующим на возвышенный амвон; приводят за караулом перед них преступника; священник того прихода, к коему принадлежит виновный, первый рассматривает дело его и, по приведении к присяге 2-х свидетелей вины его, определяет наказание. Если приговор найден прочими справедливым, то главнокомандующий исполняет оный>. Чиновников, хотя бы и самых первейших, за преступления, как-то: за измену, лихоимство, заговоры и тому подобное, наказывают смертною казнию, имение их описывают в казну, а жен и взрослых дочерей * выдают в замужество за простых солдат *. За воровство рубят руки и оставляют по-прежнему жить в обществе. Я видел, что за покражу 30-ти баранов отрубили у одного мечом кисть правой руки, обмакнули для остановления крови в горячее масло и потом отпустили на волю. За смертоубийство отдают преступника в распоряжение родственников убитого; они могут его продать или взять окуп за голову. Однажды, ходя по базару, я был очевидцем, что родные убиенного привели отданного им убийцу и требовали его смерти; ему тут же отрубили голову.

Прелюбодеяние наказывается ужасною смертию, ко-

---

* * роздают в замужество простым солдатам

торой я был свидетелем и о коей воспоминание до сих пор приводит меня в содрогание. 17-тилетняя девушка была высватана родственниками за обывателя, который ей не нравился (вообще азиатцы не советуются в сих случаях с сердцами дочерей своих); она любила чиновника, ушла к нему и жила у него под видом *прислужника* в мужском платье, обривши по тамошнему обыкновению голову. Жених узнает о сем, просит правительство; чиновник, желая избавиться смертной казни, бежал, а ее взяли под стражу, и она объявила судьям всю истину. По законам ее должно было приговорить к смертной казни, и владетель, не имея права спасти ее от оной, сжался на ее молодость и красоту, присылал тайно сказать ей, чтобы она отперлась от своего показания и объявила, что у нее волосы вылезли от болезни. Она велела сказать ему, что, разставшись с своим любезным, не хочет жить без него, и пребыла непоколебимою. В назначенный день казни народ толпился на базаре; ее вывели, вырыли на площади яму и закопали по груди в землю. Палач первой ударил сию несчастную в голову камнем, а потом и весь народ побивал ее камнями и размозжил всю голову; родственники вырыли тело и похоронили.

По прошествии назначенного времени нам не дали проводника и приказали выступить одним по тракту на город Урутюпу, имевший до присоединения оного к Коканин особенного владетеля, расстоянием от Коканта на полтора дни езды. До самого города мы шли многолюдными деревнями, расположенными на ключевых речках, впадающих в реку Сыр-Дарью. Дорогою почти на каждые 15-ти верстах встречали мы древние, никем не обитаемые большие здания. Мы остановились подле города и в оный въезжали только для закупки провианта, ибо уже Коканское правительство по выходе нашем из Коканта не отпускало нам никакого продовольствия.

Город Урутюпа прилегает к горе Кашкар-Диван, расположен на ключах, вытекающих из помянутой горы между сопок; весьма обширен, обнесен высокими двумя стенами, между коих выкопан глубокий ров; в стенах сделаны окошки, дабы в случае необходимости можно было стрелять из них. Город чрезвычайно многолюден, улицы в оном тесны, дома сложены из глины; есть фаб-

рики, на коих выдělываются пуховые шали. Жители имеют торговлю с трухменцами, персианами и кочевными * арапами *, принадлежащими Бухарии.

Коканцы, когда сей город был независим от них, почитая оный неприступным, решились за несколько дней до прибытия нашего в Кокант обманом вызвать владельца под предлогом свидания, захватили его в плен, отвезли в Кокант и овладели городом.

С мая месяца в сем месте и далее к стороне Бухарии начинаются нестерпимые жары, доходящие <почти> до 40 градусов. В марте видишь выходящую траву, и обширные поля покрываются многообразными душистыми цветами, но чрез три месяца все сие пожигается зноем и сдувается ветром так, что не остается и следа. От сего самого целое лето встречаешь одни голые пески, и траву едва найти можно токмо при ключах и в ущелинах гор; <по сей причине> жители почти не имеют вовсе скота и лошадей с трудом прикармливают соломою и сеяною травою, которую ** принуждены для сохранения от зноя поливать водою **. Для защищения от жару они обвивают себе головы чалмами и носят по 3 и по 4 стеганых халата. Глинистая в городе земля столь нагревается, что нет возможности идти по ней в обыкновенной обуви; для чего они сверх сапогов и надевают калоши.

Переночевав близ города, мы выступили на ***областный *** город Ходжант, отстоящий на полторы суток езды. Идучи ровными местами, имели мы в виду пограничные с Бухариею города: Ям, Зимин и Янакурган. Не входя в Ходжант, мы остановились подле него ночевать, въезжали в город токмо за покупкой съестных припасов, и утром пошли на прежнюю переправу чрез реку Сыр-Дарью.

Ходжант не уступает обширности Коканту; имеет защиту со стороны Бухарии высокую, развалившуюся уже в иных местах стену, а с другой реку Сыр-Дарью. В городе проведены каналы, находятся фабрики и вообще все те заведения, как и в Коканте: жителей весьма

* * арабами

** ** поливают водою

*** *** губернский

много. Подошед к переправе и видя, что уже на суда поставлены караваны, готовые к отправлению, мы просили, чтобы нас взяли с собою; но коканцы, приметя, что мы без провожатых, никак не хотели на сие согласиться. Так как день уже клонился к вечеру, и мы должны бы были ночевать в сем месте, то я, зная уже характер коканцев, принужденным нашелся приказать козакам выставить силою несколько купеческих верблюдов и очистить в судне для нас место. Коканцы ссорились, угрожали; но нагайки козаков принудили их уступить нам. Мы поплыли и уже на середине реки заметили, что судно стало наполняться водою и грузнуть. Перевозчики из мщения повертели в дне дыру, и мы с трудом могли заткнуть оную. Когда доплыли до отмели, то они выскочили первые на берег и скрылись.

Один человек из числа каравана предупредил нас, чтобы мы на песчаном пути к стороне черных киргиз не останавливались ночевать, ибо при вьюгах, говорил он, заносит часто песками, а спешили бы дойти до солонцоватого места, в 17-ти верстах отстоящего. Мы приняли совет его и, пройдя помянутое пространство, остановились ночевать на ключах. Поелику нам должно было опять проходить прежними опасными ущелинами горы Кындыртау, то, дабы избежать нападения, мы своротили с сего пути и пошли другим трактом в сторону от ущелий на небольшой городок Шайдам.

Переночевав поблизости одного, отправились гористыми местами на местечко Мулламир, населенное единственно для укрытия проезжающих от буранов, бывающих в горах сих. Жителей сего местечка по большей части занимают проходящие малые караваны, боящиеся разграбления, для перевозу кладей в город Пишкет (лежащий к Ташкени) чрез гору Кындыртау. По дороге к Мулламиру мы видели много древних зданий, в Мулламире ночевали и пошли чрез помянутую гору Кындыртау, жителей наняли перевезти на 2-х лошадях наше имение, а сами по большей части шли пешком.

Въехав на высоту горы, мы принуждены были следовать на разстоянии полуверсты узкою тропинкою, едва имеющею три четверти аршина ширины; с одной стороны сей тропинки под ногами нашими находилась бездонная пропасть, в глубине коей видели одни верхушки дремучих лесов, а с другой возвышенные утесы <и обрывы>

каменистых гор наподобие стен. Мы вели за собою верблюдов и лошадей за поводя, дорогою каждую минуту были в опасности поскользнуться и низвергнуться в пропасть, где нередко погибают путешественники.

⟨В сие время свирепствовала гроза, и удары грома, сопровождаемые сверкающею молниею из черных тучь, казалось, потрясали горы, повторяющие протяжно гул свой. Лошади наши храпели и пряли ушами, бывшие в караване азиатцы со слезами призывали на помощь Магомета, и даже безстрашные козаки, презиравшие до сего времени ежеминутно встречающуюся смерть, с невольным содроганием крестились.⟩ Но все сии опасности были ничего не значущие в сравнении с тою, когда мы начали спускаться по обрывам с горы сей. Один из верблюдов моих оступись с крутизны, ударился грудью о камень и на другой день издох. Лошадям сходить также было весьма трудно. Люди кое-как перебирались с камня на камень, ⟨хватаясь за встречавшиеся сухие сучки или за выросший на скалах мох, кои часто, обманывая в наружном виде своей твердости, вырывались с корнем и заставляли по несколько аршин стремглав лететь вниз⟩. В сем трудном пути мы пробыли целой день. Спустясь с горы ⟨при утишении бури,⟩ увидели мы природу совсем в ином виде. Тут представилось взорам нашим множество * различных плодоносных * дерев и с шумом выпадающих между каменьев ключей, ** которые, протекая по испещренным цветами шелковичным лугам, образуют ** реки Чирчик и *** Гангару ***: первая протекает в Ташкении, а последняя, разбиваясь на мелкие речки, течет чрез города Кураму и Пишкет. Идучи подле горы отлогими местами, по текущим ключам, тропинкою, лежащею к городу Пишкету, прошли в конце дня чрез оный и ночевали в 5-ти верстах от сего города на реке Гангаре.

Пишкет имеет небольшую крепостцу, в коей помещается до двухсот человек войска, и окружен форштатами. В сем месте земля хотя несколько и **** глинистая ****, но весьма плодородная. При нашем приходе в

---

* * фруктовых

** ** из коих образуются

*** ** Гангара

**** ** глиноватая

город в конце марта месяца хлеб уже был поднявшись выше нежели на четверть. Жители имеют большие стада. Запасшись провиантом и купив одного верблюда, мы отправились <прекрасными> деревнями, перешли реку Чирчик и вступили прямо в Ташкент. Будучи извещен, что с прибывшим из Семиполатинской крепости купеческим караваном отряд козаков остановился в городе, я присоединился к оному. По прибытии нашем, на другой день поехал я к главнокомандующему, которой принял меня ласково; увидя у меня хорошего иноходца, стоящего в тамошнем месте до 40 червонных, просил подарить ему одного, обещая за то оказывать всевозможные пособия и содействовать к скорейшему отправлению нас в Россию; <при таком обещании нельзя было не удовлетворить его желанию, и> я подарил ему сего иноходца.

В сем * городе * явились ко мне еще двое русских, бежавших из рабства, прося взять их с собою. Первой из них, Андреян Иванов, дворовый человек князя Лобанова, едучи в Оренбург, схвачен был киргизами, увезен в Хивинское владение и продан за 40 червонных, а оттуда отведен был в подарок Бухарскому владельцу, от коего бежал, услышав о прибытии российского посольства в Ташкент; другой же, крепостной человек генерала Бурликовского, Максим Головаченков, будучи в малолетстве, около 25-ти лет тому назад, с отцом своим в Кременчуге, отправился с ним к крымским татарам, где, пася стадо, был захвачен двумя армянами и двумя татарами и увезен в Персию, откуда продан в Бухарию, и хотя по прошествии 8-ми лет и успел было убежать на границу России, но опять перехвачен киргизами и возвращен в Бухарию, из коей вместе с Ивановым бежал в Ташкент.

Желая спасти единоверцев, я неотступно просил главнокомандующего ** отпустить ** мне русских сих, и хотя по их законам и должны они были навсегда оставаться в рабстве, но, приняв в уважение сделанный мною ему подарок, он мне отдал их.

Семиполатинский караван, променяв товары, просил меня об исходатайствовании ему позволения отправиться в Россию, в чем я и успел, и он на тысячи пятистах верблюдах выступил в сопровождении состоявшего при нем

---

* * месте

** ** отдать

отряда. Часть оного пошла по тракту на Петропавловскую и часть на Семиполатинскую крепости; я же остался в ожидании изготовления приведенного мною каравана.

В сие время главнокомандующего потребовали в Кокант для совещания. В отбытие его ташкенцы сделали заговор возвести прежнего своего владельца Рустамбека, который при взятии Ташкента коканцами бежал в Киргиз-Кайсацкую степь; Рустамбек сей пришел в Ташкент скрытно с семиполатинским караваном и пробрался в Бухарию для испрошения вспомогательного войска. Ташкенцы ожидали минуты его возвращения, чтобы истребить коканские войска и свергнуть с себя <ненавистное> иго. Бухарцы вооружались. Ташкенцы старались обменивать коканскую монету, которая, полагали они, не будет иметь курса; все товары вздорожали; мы были в опасности. Но коканцы узнали о заговоре. Главнокомандующий поспешно возвратился, вслед за ним присланы были подкрепления. Он * отыскал виновных *, и в продолжение 10-ти дней я видел безпрестанно казнь сих несчастных: их вешали за горло, а одного из них, <которого полагали главным зачинщиком бунта,> поперек тела. Сей более 6-ти часов был жив и наконец, затекши кровью, в ужасных мучениях испустил дух. Ташкенцы приведены сим были в величайший страх. Рустамбек захвачен на границах, привезен в Ташкент, посажен в подземный ров и приговорен к смерти. Так как законы магометанские повелевают оказывать иностранцам гостеприимство и всякое уважение, то жены и родственники Рустамбека приходили ко мне, умоляя со слезами испросить у главнокомандующего ему пощаду. В подарок главнокомандующему они вручили мне ** во 100 рублей иноходца ** и обученного кречета (белого ястреба), стоящего там 40 червонных. Соболезнуя об участи несчастного Рустамбека и желая выручить притом захваченный товар российского купца Ушакова, с коим Рустамбек прибыл в Ташкент, я с сими подарками явился к главнокомандующему, который, по убеждению моему, основываясь на помянутом законе магометан, согласился наконец, приняв подарки, освободить Рустамбека от казни,

---

* * розыскал виновников

** ** во 100 рублей погребец, в 500 рублей иноходца

объявив, чтобы он в течение 6-ти часов заплатил 300 червонных пени и выехал через три дни из пределов; российские же товары велел немедленно возвратить. Его выпустили из рва под присмотром 3-х человек, а как родственники боялись снабдить его деньгами, дабы не сочли их участниками в заговоре, то он выпросил помянутую сумму заимообразно из каравана.

Между сим временем бухарские войска подошли к коканским границам. Произошло кровопролитное сражение, и коканцы могли бы быть разбиты, если б с другой стороны союзник их, Сарсаузский владетель, не пошел на Бухарское владение и не захватил множество пленных. Сие самое заставило бухарцев возвратиться в свои пределы, и коканцы по поводу сего, по прошествии 3-х месяцев, имели случай присоединить к себе несколько бухарских городов.

Замешательства сии не дозволяли нам выехать из Ташкента. Главнокомандующий, возвратясь с войском, пригласил меня на торжественный обед, который он давал на поле, в 3-х верстах от города, войску своему в честь победы. Разбиты были шатры, и на разостланных коврах угощали шумное войско сарачинским пшеном с бараньим мясом и чаем. Он мне описывал с тщеславием свои победы и обещал в скором времени отправить нас в Россию.

Наконец 1-го августа 1814 года прибыли двое депутатов с ответными к его императорскому величеству от Коканского владетеля письмами, и я с ними и с купеческим караваном в сопровождении двухсот человек коканского войска отправился в обратный путь по тому же тракту, по коему следовал. Пленным руским я отдал одному верблюда, а другому лошадь, а третий отдан был мною для прислуги * в караване*.

** Областный ** город Ташкент находится при реке Чирчик; большая часть обширного сего города, заключающего в себе до 20 000 домов, построена в логу; кругом на пространстве 15-ти верст город обнесен высокою стеною, выведенною из нежженого кирпича, в коей находится 12 ворот. К самой стене внутри города расположены обывательские сады <и виноградники,> которые огорожены также высокими стенами, столь близко соединенными между собою, что оставленные между ими проходы

---

* * в караван

** ** губернский

более похожи на коридоры, нежели на переулки. В предместии города также находятся сады. Вода пропущена из реки Чирчик каналом, из коего в город везде *проведены* фонтаны; в каждом доме посреди двора видишь бассейн или проточную небольшую канаву, откуда женщины черпают воду и где полощат белье; на сих бассейнах видишь ташкенцев, моющихся или роскошно веселящихся с музыкою. Мечети выстроены без крыш; есть множество древних запустелых храмов с куполами, кои ** построены первобытными обитателями сих мест **.

В $\frac{1}{4}$ версты от города находится укрепление, помещающее в себе до 10 000 войска. Укрепление сие обнесено со стороны Кокании двумя высокими каменными стенами и двумя глубокими рвами, а к городу одною стеною и глубоким каналом, имеющим до 50-ти сажень ширины. Въезд в укрепление сие по узкой тропинке. В середине сего укрепления на возвышенном месте построен замок, обнесенный высокими стенами и 3-мя рвами, имеющими по 7-ми сажень глубины. В сем замке живет главнокомандующий, имеющий полную власть казнить смертью без доклада владельцу. Ташкент был прежде независим и служил резиденциею владельца; а ныне, по покорении, соделался провинциею Кокании. Замок прежнего владельца разрушен до основания, <и мы видели на том месте одни груды камней>. Чрез город безпрестанно проходят караваны ***.

В Чимкете, за изнурением верблюдов, мы останавливались на трое суток. Отправясь далее, были сопровождаемы коканским отрядом до горы Каратау, в котором месте отряд сей, не предвидя для нас никакой опасности, отстал от нас и отправился на город Карнак, который коканцы во время пребывания **** моего **** в Коканте покорили, завоевав все Туркистанское владение.

---

* * пропущены

** ** как утверждают ташкенцы, построены первобытными обитателями сих мест, египтянами.

*** В рукописи далее следует: «В Ташкенте не позволяется видеть женщин под страшным наказанием, даже родные не имеют права входить в комнату родственницы. Хозяева домов для приема гостей имеют отдельные комнаты. Я женщин видел токмо на базаре под покрывалом, они стройны и одеваются весьма богато, накидывают на себя халаты, на головах носят чалмы, а на лицо опускают волосяную сетку, которая пришивается к халату».

**** **** нашего

Перейдя гору Каратау, обиталище черных закамененных киргизов, мы остановились на ключевой речке, в логу, при утесе горы. Около полуночи услышали в ущелиях горы раздавшийся топот коней и смешанные крики киргизов с их, и наконец толпы их показались на высотах. Мы перевязали лошадей и верблюдов арканами и сами делали по ним ружейные выстрелы, чем и привели их в страх. Мало по малу они начали рассеиваться и, по прошествии 2-х часов, их уже не было видно.

На развете дня для избежания опасности мы торопились выступить в дальнейший путь и почти без отдыха следовали к городу Сузаку. От беспрестанных переходов и от чрезвычайных жаров верблюды заразились сарпом⁵⁵ (род оспы), для сего самого около 20-ти дней мы принуждены были проживать в Сузаке.

Когда караван в состоянии был следовать, мы выступили в первых числах сентября на реку Чуй до урочища Уванаса и, оставя прежний тракт для сокращения пути, не прикасаясь ни к одной киргизской волости, шли 12 суток необитаемую степью по терновникам и глинистой земле до реки Сарысу, останавливаясь на ключах, имеющих красноватую воду, вроде тертого кирпича; во многих местах находили выходящие из земли ключи, протекающие маленькими речками, в коих вода селитренная, и видели в больших табунах куланов.

Пришед на реку *Сурыну*, мы отправились между гор степями, по ключам, на речку Кулан-Етмесь и в продолжение 12-ти дней не встречали никакого обиталища.

Во время пути близ Кулан-Етмесь видели, что толпы киргизов начали показываться ** и окружать нас со всех сторон, приуготовляясь к нападению. Я велел остановить караван и положить верблюдов, а людям спешиться и заряжать ружья; сам же с парю пистолетов и обнаженною саблею поехал к толпам сим в сопровождении данного султаном Худай-Мендою теленгута ***. Увидя султанова теленгута, киргизы остановились и выслали также для переговоров 4-х человек. Известясь, что толпы киргизов с их были Байтемешевской волости, за спокойствие коей ручался султан Худай-Менда, я объявил им, что караван

* * Сарысу

** по горам

*** и козака для узнания, каких волостей сии киргизы

принадлежит российскому купечеству и что буде они покусятся сделать малейший вред нам, то будут жестоко наказаны высылкою в границы козачьих отрядов. Услышав сие, они обещали не делать нам никакой неприятности и приглашали в свою волость, в 15-ти верстах отстоящую.

Так как мы терпели в провианте столь большой недостаток, что принуждены были трое суток питаться лошадиным мясом, и я сам, издержав остатки бараньего мяса, сохраняемого в продолжение 20-ти дней в высушенной брюшине, должен был несколько дней для утоления голода варить уже и самую брюшину сию с пшеничною мукою, то мы решились войти в тот же день в сию волость, где выменивали баранов, а для козаков тулупы (ибо уже были первые числа октября). Выпавший в сие время первый снег задержал нас в сем месте двое суток.

Вышедши от них по тракту на урочище Таир-Берген, перешедши чрез реку Ишим и достигнув на 3-й день до урочища Домбралы, я послал 3-х человек к корпусному командиру с донесением о числе и благосостоянии каравана, а равно и прибывших коканских депутатах; а сам, стараясь поспешить, дабы нас не застигла в пути зима, пришел чрез 7 дней к границам.

Высланный за 20 верст от крепости Петропавловской отряд козаков, состоящий из 60-ти человек при 1-м офицере, встретил нас, и под прикрытием оного мы вступили 15-го октября 1814 года в крепость. Караван вошел в меновный [= меновой] двор, а депутаты, будучи встречены комендантом, препровождены в отведенный им дом. Приведенных мною трех российских пленников я представил при рапорте коменданту, коему при сделанном им допросе они подтвердили прежнее свое показание. Людям сим, на основании всемилостивейшего манифеста 1814 года августа, предоставлено право избрать род жизни.

В продолжение всего путешествия моего бывшие со мною козаки, терпевшие все трудности пути, * тягость службы *, недостатки, нужды и голод, хотя иногда и скучали, но, будучи обнадеживаны мною, что начальство не оставит наградить службу их, терпеливо все переносили. Общие опасности столь тесно связывают людей между

---

* * безпрестанную службу

собою, что я козаков сих встречаю всегда, как родных братьев*.

В изъявление своей к ним признательности я поставлю священнейшею для себя обязанностью, дабы хотя несколько сделать их известными, присовокупить здесь имена сих людей, кои, ежеминутно** подвергая опасности жизнь свою**, жертвовали собою на службу Отечества:

3-го козацкого полка урядник Василий Рекин.

Того ж полка рядовой Дрягин.

Того ж полка рядовой Гладин.

2-го козацкого полка рядовой Бородин.

4-го козацкого полка рядовой Морожников.

К о н е ц

---

* В рукописи далее следует: «и сожалею крайне, что представлением своим до сих пор совершенно ничего не успел сделать в их пользу, и они не награждены ничем. По крайней мере, в изъявление...» (и далее как в тексте).

** ** подвергаясь лишиться жизни

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Секурс* (правильно сикурс) — войска, посланные на выручку осажденным; подкрепление (Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, т. 4, стр. 175).

² *Бий* — в прошлом у казахов это слово означало «лицо благородное и власть имущее» (А. А. Семенов, Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени, — «Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР», т. XXV, Сталинабад, 1954, стр. 60). В XVIII—XIX вв. у казахов биями называли глав кочевых родов, правивших этими родами и осуществлявших, в частности, судебную власть, но подчинявшихся (фактически или формально) ханам и султанам. В русской литературе термин «бий» часто употребляется как соответствие русскому понятию «старшина». К концу XIX в. с термином «бий» у казахов стало связываться, прежде всего, представление о лице, выполнявшем судебные функции в результате системы выборов «народных судей» — биев, введенной в Казахстане царской администрацией (см.: В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, — Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 353, 355, 367, 379—382; «История Казахской ССР», т. I, Алма-Ата, 1957, стр. 411—413).

³ *Баранта* (барымта) — отгон скота у враждебного рода, служивший у казахов во времена господства патриархально-феодального обычного права также средством выполнения решения суда биев в случаях, когда ответчик, будь то род или отдельное лицо, отказывался выполнять судебное решение и отдать истцу скот в возмещение за убийство или иное преступление (см.: А. Левшин, Описание Киргиз-Казачьих или Киргиз-Кайсацких орд и степей. СПб., 1832, ч. 3, стр. 84—90; «История Казахской ССР», т. I, стр. 147, 177, 312). «Всякое нападение вообще, в частности (что и есть первоначальное значение этого слова) нападение вооруженною рукой членов одного рода на членов другого рода с целью отгона скота и грабежа (нередко из мести)» (Харузин, Киргизы Букеевской орды, М., 1889, стр. 16.)

⁴ *Бердыш* — старинное оружие, топор на длинном древке, алембарда, секира и т. п. Ф. Назаров здесь и далее в тексте применяет, по-видимому, это употреблявшееся в России название для обозначения казахского и киргизского оружия *ай-балта* (*ай* «луна», *балта* «топор»), представлявшего собой изогнутое наподобие полумесяца лезвие, которое насаживалось на длинное древко.

⁵ Деревянный решетчатый каркас юрты с наружной стороны закрывается войлоками (кошмами). В описываемом свадебном обряде часть кошм, которые Ф. Назаров называет «по́лы», поднимается, и невеста может протянуть жениху руку через отверстие ячейки каркаса.

⁶ Здесь, очевидно, «местами, кое-где».

⁷ *Хан Валий* — султан Вали, утвержденный царскими властями (после Аблая, умершего в 1781 г.) ханом Среднего казахского жуза (Средней орды), по территории которого проходила большая часть пути Ф. Назарова по казахским степям. Фактическая власть Вали не распространялась на всю территорию Среднего жуза; под его непосредственным управлением находились казахские роды аргын и часть найманов.

⁸ *Молошный мешок* — бурдюк, т. е. козий (или другого животного) мех, снятый и выделанный целиком, служащий для хранения кумыса, кислого молока и других молочных продуктов и жидкостей (см., например: В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, М., 1955, т. II, стр. 142).

⁹ *Сывызга* (у А. Левшина чыбызга) — «...дудка, выделанная из дерева или камыша, около аршина длины с тремя-четырьмя отверстиями на конце» (А. Левшин, Описание Киргиз-Казачьих или Киргиз-Кайсацких орд и степей, ч. 3, стр. 141).

¹⁰ *Барсук* (т. е. барсук) — слово тюркского происхождения, в этой форме встречавшееся среди русского населения Западной Сибири.

¹¹ По-казахски, придерживаясь транскрипции Ф. Назарова, слово *ялан* означает «змея», а *яланды* «змеиное» (местность, изобилующая змеями).

¹² *Поприще* — см. у В. И. Даля: «приспособленное место для бега, скачек, для ристалищ, игор, борьбы» (Толковый словарь..., т. III, стр. 306).

¹³ *Имение* — здесь в значении собственность, имущество.

¹⁴ *Колесная трубица* — колесная ступица (в сибирских диалектах), т. е. «матица колесная, в которой ходит ось; основная часть колеса, точеный болван, просверленный вдоль, для оси, и с долбленными гнездами посередине, снаружи, для укрепления спиц» (В. И. Даль, Толковый словарь..., т. IV, стр. 349 и 436).

¹⁵ *Теленгуты* (тюленгуты) составляли постоянную военную силу, находящуюся в распоряжении казахских правителей, несли службу в качестве телохранителей и были всегда готовы выступить против ослушников. Тюленгутов называли иногда «ханскими слугами». Несомненно, это были зависимые люди, обязанные подчиняться строгой дисциплине военного типа. Отдельным тюленгутам (как видно, в частности, и по «Запискам» Ф. Назарова) нередко давались ответственные поручения.

¹⁶ *Айртау* — «виллообразная гора» (по-казахски *айр* — «вилы»), гора с раздвоенной вершиной.

¹⁷ *Напойка табаку* — имеется в виду одна порция, закладка жевательного табаку, наподобие «понюшки» для табака нюхательного.

¹⁸ *Полынь для сварения кушанья* — казахи и киргизы в качестве топлива использовали высохшие стебли бурьянистых растений, называя такое топливо «курай».

¹⁹ *Знакомиты* — знакомитый, знакомистый человек — ласковый, вежливый, обходительный, доступный (В. И. Даль, Толковый словарь..., т. I, стр. 687; ср. там же — знакомчивый человек — тот, кто не дичится знакомства, охотно знакомится).

²⁰ *Сальватор Роза* (1615—1673) — итальянский живописец, гравер, поэт и музыкант, знаменитый своими романтическими пейзажами величественных и суровых гор; [*Алларт ван*] *Эвердинген* (1621—1675) — голландский живописец — пейзажист и гравер, путешествовавший по Скандинавии и любивший изображать горы, скалы и водопады под угрюмым и пасмурным небом.

²¹ *Гольча* (гальча, гарча — «горец») — горные ираноязычные (таджикские) народности Памира и Припамирья; в других местах своего описания Ф. Назаров называет их «горские персиане», или «восточные персиане». О термине «гальча» и его носителях см.: В. В. Бартольд, Таджики, исторический очерк, — Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 457—459; см. также указатель.

²² *Пелева* (пелёва, пелёва) — плевелы, пушина, мякина, полова; обоина зернового хлеба при обмолоте, лузга, шелуха и все части колоса, измельченные молотью, что остаются за ворохом, по отвейке зерна (В. И. Даль, Толковый словарь..., т. III, стр. 28); ср. пелева — овсяные отруби или мякина (И. И. Срезневский, Материалы для словаря древне-русского языка, СПб., 1912, т. 2, стр. 894). Упомянув о постройках из глины с хлебными пелёвами, Ф. Назаров имеет в виду саман (измельченную солому) и другие примеси (мякина, тростниковый пух) к глине, широко распространенной в Средней Азии в качестве строительного материала. Глина (лёсс — тонкий суглинок с большим или меньшим содержанием углекислой извести) с давних времен служила в Фергане, как и в остальных частях Средней Азии, основным строительным материалом. Лёссовый раствор, смешанный с саманом, употреблялся в качестве штукатурки и для смазки крыш (см.: А. К. Писарчик, Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX — начале XX вв., — «Среднеазиатский этнографический сборник», М., 1953, стр. 225, 226).

²³ *Садок* — всякое устройство для содержания в неволе животных (В. И. Даль, Толковый словарь..., т. IV, стр. 128). В. И. Даль приводит также другие значения слова «садок»: лодка, барка, отвечающие описанным в тексте средствам переправы.

²⁴ *К стегни* (в рук. «к степни», но правильно, вероятно, «к стени»). В древнерусском языке существовало написание стегнь вместо стень для слова со значением «тень», «стена», «опора» и пр. (см.: И. И. Срезневский, Материалы для словаря древне-русского языка, т. 3, стр. 511). Вероятно, Ф. Назаров словом «стегнь» обозначал какую-то опору на судне, служившую для привязывания лошадей. Подробное описание такой переправы через Сыр-Дарью приводится Н. Потаниным, ездившим из Семипалатинска в Кокандское ханство в 1829—1830 гг. Он сообщает, что перевоз производится «следующим образом: вместо весел и руля употребляют трех, а иногда и более лошадей, которых привязывают за гривы веревками к носу судна, и одну из них пускают вперед оно, а двух по сторонам. Лошадьми сими управляют люди, в носу судна сидящие. На судно это помещается до 300 баранов, и лошади, несмотря на такую тяжесть, влекомую по довольно быстрой и широкой реке, по-

видимому, не чувствуют никакой усталости» («Путешествие хорунжего Потанина в Коканд в 1830 г.», Омск, 1916, стр. 220).

²⁵ Хлопчатая бумага — хлопчатобумажная пряжа (В. И. Даль, Толковый словарь..., т. V, стр. 551).

²⁶ *Каратегини* — каратегинцы, население Каратегина, в основном таджикские. См. также гольча, горские персияне.

²⁷ Здесь допущена хронологическая неточность: лежащие к востоку и юго-востоку от рубежей Кокандского ханства области Восточного Туркестана были покорены войсками правивших в Китае Цинов в конце 50-х годов XVIII в.

²⁸ *Белоярковое пшено* — здесь подходит одно из значений этого термина — народно-поэтическое название пшеницы («Словарь современного русского литературного языка», т. 11, М.—Л., АН СССР, 1961, стлб. 1785).

²⁹ *Сарачинское пшено* — здесь, по-видимому, джугара, хотя этим термином обычно называли рис; в таком значении это название употреблено Ф. Назаровым ниже, где описывается блюдо, приготовленное из «сарачинского пшена, окрашенного розовою краскою с лошадиным мясом» (т. е. плов).

³⁰ *Дутка* (правильно дудка) — ствол бурьянистого растения (В. И. Даль, Толковый словарь..., т. I, стр. 499).

³¹ *Хрептух* — хрептуг, хрептюк, веретье, рядно, в роде простыни, которое извошники подвязывают ко приподнятым оглоблям для корму коней овсом» (В. И. Даль, Толковый словарь..., т. IV, стр. 565).

³² *Экзерциция* — упражнение, учение и т. д. (В. И. Даль, Толковый словарь..., т. IV, стр. 663).

³³ *Плутонг* — мелкий залп (В. И. Даль, Толковый словарь..., т. III, стр. 130).

³⁴ *Чушка* — кожаный чехол для пистолета у седла (В. И. Даль, Толковый словарь..., т. IV, стр. 616).

³⁵ *Сакма* — отделение для пистолета на поясе.

³⁶ *Валлиами* (в рук. *валлами*) — так называет Ф. Назаров здесь и далее (не собственным именем, а титулом) кокандского правителя Омар-хана (1810—1822). Термин «валлиами» (вальями, ваннами) происходит от арабского *вали ан-ни'ами*, *вали ан-ни'ам* с буквальным значением «благодетель», «благотворитель» и т. п.; в Средней Азии этот термин применялся как титул в отношении правителей независимых областей. Так называли, в частности, правителя Шахрисябза (Шахрисябзского бекства). См.: А. А. Семенов, Очерк устройства..., стр. 4; В. В. Бартольд, Коканд, — Сочинения, т. III, стр. 463; рук. ЛО ИНА В 681, 11, л. 146 б и сл.; о термине см.: Л. Будагов, Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. II, СПб., 1871, стр. 288, 308. Во время пребывания Ф. Назарова в Кокандском ханстве он слышал, по-видимому, только титул валлиами. Вскоре Омар-хану был присвоен высший титул мусульманских государей — амир ал-муслимин («повелитель правоверных»), принадлежавший также некоторым правителям Бухары, по словам историка Мухаммеда Хаким-хана, «повелителем правоверных» Омар-хан был объявлен в 1230 году хиджры, т. е. в 1814 или 1815 году, скорее всего уже после выезда Ф. Назарова с территории ханства, во всяком случае после отъезда его из столицы [см.; Мухаммед Хаким-хан. Мунтахаб ат-таварих. рук.

ЛО ИНА С 470, л. 414 б; П. П. Иванов, Очерки по истории Средней Азии (XVI — середина XIX в.), стр. 185, 186].

³⁷ *Калеобатери* — вероятно, *кал'а-и батери*, букв. «крепостная артиллерия». Такой персидско-английский термин мог быть заимствован через индийцев или афганцев, поступавших на военную службу в Кокандское ханство во второй половине XVIII — начале XIX в. Акад. Х. Д. Френ (согласно его помете на полях принадлежавшего ему экземпляра 1-го издания книги Ф. Назарова) трактует это слово как «богатыри крепости». Однако употребление в Средней Азии термина «батур (батыр)» в таком значении нам неизвестно.

³⁸ *Вершник* — верховой, верхом едущий, конный, конник, ездок (В. И. Даль, Толковый словарь..., т. I, стр. 184).

³⁹ *Пушки без лафетов* — описание таких пушек (употреблявшихся в Средней Азии в начале XIX в.) и стрельбы из них дано Бурнашевым и Пospelовым, совершившими в 1800 г. путешествие в Ташкент из Сибири: «На войну берутся все пушки, какие только есть. Они, не имея лафетов, перевозятся на телегах. Когда дело дойдет до сражения, то пушки снимают с телег и кладут на возвышенные места. При каждом выстреле отбрасывает пушку на довольно большое расстояние, и ее переносят на прежнее место на руках» [«Путешествие от Сиб. линии до Ташкента и обратно в 1800 г. (выбрано из бумаг шихтмейстеров Бурнашева и Пospelова)», — «Сибирский вестник, изд. Григорием Ив. Спасским», СПб., ч. 4, за 1818 г., стр. 169].

⁴⁰ Кокандскому правителю Омар-хану осенью 1813 г., когда его впервые увидел Ф. Назаров, было около 28 лет. Как сообщает кокандский историк Мулла Аваз Мухаммед Аттар, приводящий хронограмму на день рождения Омар-хана, составленную Акмалем Хоканди, Омар-хан родился 19-го числа месяца мухаррама 1200 г. хиджры, т. е. 22 ноября 1785 г. (Мулла Аваз Мухаммед Аттар, Тухфат ат-таварих-и хани, рук. ЛО ИНА С 440, л. 132 а).

⁴¹ *Штоф* — шелковая плотная ткань, обычно с разводами (В. И. Даль, Толковый словарь..., т. IV, стр. 646).

⁴² *Сарсаус* (Шаршауз) — название города Шахрисябза. В обиходе среди местного населения город Шахрисябз и в наше время часто именовался «Шаар» или «Шаршауз» (см.: М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова, Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке, — «Труды Среднеазиатского Государственного университета», новая серия, выпуск LXI, гуманитарные науки, кн. 6, Археология Средней Азии, Ташкент, 1953). Шахрисябз в первой половине XIX в. был независимым феодальным владением, и его правители не только успешно защищали свою самостоятельность от эмиров соседнего Бухарского ханства, но неоднократно переходили в наступление, пытаясь овладеть пограничными бухарскими крепостями.

⁴³ *Дат-хан* — вероятно, искаженное от *додхо* (дәдх^нах), таджикский термин, букв. «радеющий о правосудии». Один из высших чинов в Бухарском ханстве (см.: А. С. Семенов, Очерк устройства..., стр. 61) и в Кокандском ханстве, причем в Коканде его имели некоторые наиболее влиятельные сановники, стоявшие на втором месте после правителя (например, в 60-х годах XIX в. Канаатша(х) — наместник в Ташкенте и главный военачальник).

⁴⁴ *Тах-Сулейман* (Тахт-и Сулейман, букв. «Трон Соломона») — гора около города Оша, которую легенды связывают с деятельно-

стью библейского царя Соломона, будто бы даже похороненного здесь. По имени этой горы и сам город Ош (ныне областной центр Киргизской ССР) в старину часто называли Тахт-и Сулейман, в этом смысле употребляет это название и Ф. Назаров.

⁴⁵ *Патша Искандар*, т. е. падишах Александр. Одно из зданий в Маргелане называлось «Искандер-паша» и считалось гробницей Александра Македонского. В. В. Бартольд, Маргелан, — Сочинения, т. III, стр. 481.

⁴⁶ *Ямб* (сибирск.) — китайское серебро в слитках разного весу (см.: В. И. Даль, Толковый словарь..., т. IV, стр. 677).

⁴⁷ *Камфа* — канф, канфа — китайский атлас (В. И. Даль, Толковый словарь..., т. II, стр. 86).

⁴⁸ Хлопчатая бумага в шишках — хлопчатобумажная пряжа в мотках (см.: В. И. Даль, Толковый словарь..., т. IV, стр. 637).

⁴⁹ Город Ош находится в глубине континента Азии и ни озера, ни судоходной реки около него нет. Вместо «портовая застава» следует читать «торговая застава» или «таможенная застава». По-видимому, Ф. Назаров истолковал здесь иранское слово *бандар* (слышанное им применительно к Ошу) в обычном его значении «порт», «гавань», «пристань» и т. п., но в Средней Азии и в Афганистане это слово могло также употребляться в значении «пограничный пункт» (т. е. пункт, где взимаются таможенные пошлины), а во множественном числе *банāдир* в собирательном значении «окраина» (см., например: Файз Мухаммед Катиб, Сирадж ат-таварих, т. III, Кабул, 1915, стр. 447).

⁵⁰ *Бумажные фабрики* — имеются в виду заведения по переработке хлопка, прядильные и ткацкие ремесленные мастерские.

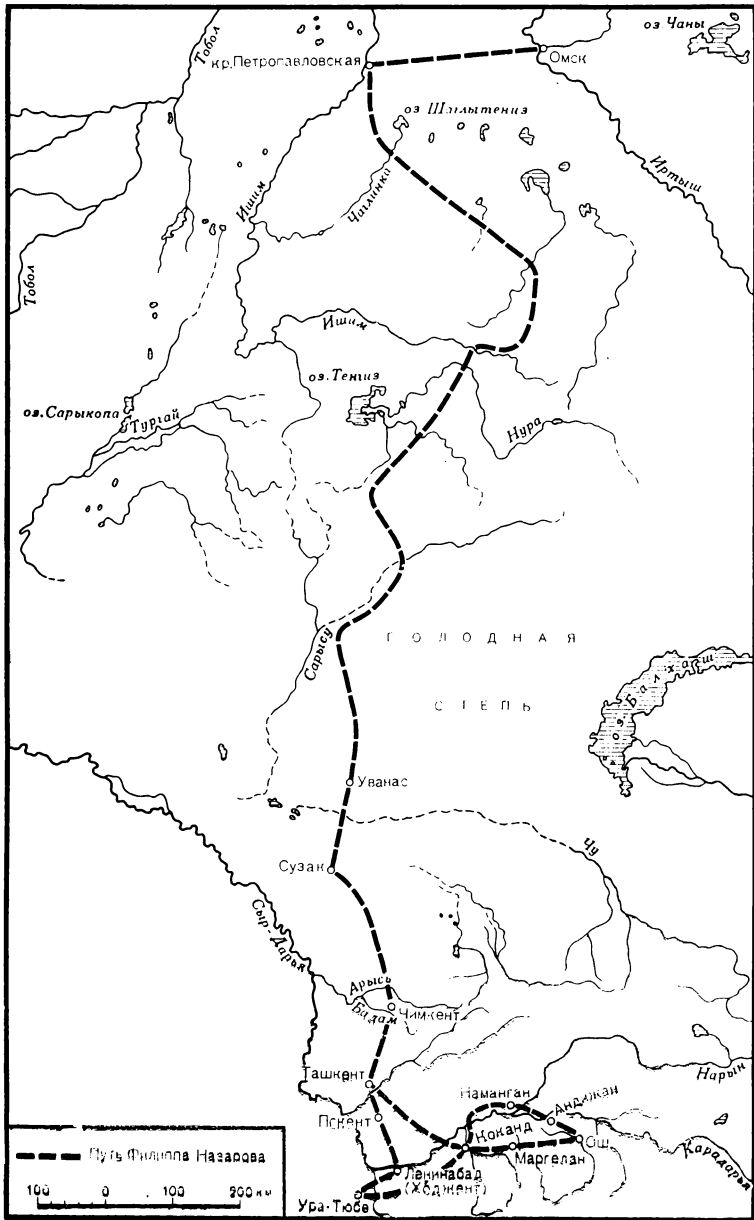
⁵¹ Здесь, очевидно, места, по которым кочевали каракалпаки.

⁵² *Канцелярное семя* — чернильный орешек, болезненный нарост на листьях дуба, содержащий дубильную кислоту (см. «Словарь современного русского литературного языка», т. 8, стлб. 1021).

⁵³ *Заморские коты* — по-видимому, род теплой обуви.

⁵⁴ *Тють* — тутовое дерево.

⁵⁵ *Сарп* — возможно, сап.

Путь Филиппа Назарова из Сибири в Кокандское ханство (географические названия даны в современном написании)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдул 47, 48
Александр Македонский 48
Амир Валлиами [Омар-хан]
40, 41
Ариан [Арриан] 48
- Балхаир (в рук. Булхаир)
Султан 28
Безъязыков 38, 40, 42, 43
Бородин 63
Бурликовский 57
- Вали-хан 23
Валий 21
- Глади́н (в рук. Гладилов) 63
Глазенап 17, 42
Головаченков Максим 57
- Дрягин 63
- Елгашкин 27, 28
- Зыбина 48
- Иванов Андреян 57
Искандар, Патша Искандар
[Александр Македонский]
48
- Квинт Курций 48
Кунгур-Ульжа Султан 28, 31
- Лобанов 57
Лукин 28
Любимский 42
- Магомет 56
Морожников 63
Муллан-Шай 46, 47
Мурза-Малля 42
- Плутарх 48
- Рекин Василий 63
Роза Сальватор 35
Рустамбек (в рук. Рустанбек)
58
- Свешников 27
Соломон 48, 49, 50
- Тамерлан 38
- Ушаков 58
- Худай-Менда (в рук. Ходай
Менды) 26, 28, 61
- Чингис-хан 38
- Шай-Темир Султан 31
- Эвердинген 35

УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аблай-Ханская дорога 21
Азия 17, 37
Айртау, гора 28
Акмула, урочище 25, 26
Алай, крепость 48, 49
Алатавская, гора 32
Алатау [Алатоо], гора 32
Андыджан [Андижан], г. 50
Арастан-Тау, гора 32
Арс [Арысь], р. 33
- Балка [Балх], г. 38
Бодам, р. 33
Бокара [Бухара], г. 38
Буралтай, р. 32
Бутагай-Там, развалины 27
Бухария 30, 34, 37, 38, 42, 47—
49, 52, 54, 57, 58
Бухарское владение 45, 58
- Вавилон 49
- Гангара, р. 56
- Дарья [Сыр-Дарья], р. 35
Джиты-Конгур, пески 29
Домбралы, урочище 24, 62
- Европа 31
- Зимин [Замин], г. 54
- Индия 48
Иреймень, гора 23
Иртыш, р. 19
Ишим, р. 21, 26, 62
- Калес (в рук. Каляс) [Келес],
р. 33
- Камыш-Курган, г. 36
Карабатыр-Чука, урочище 24
Каракамыш, р. 33
Караполясам (в рук. Кара по-
лясан), у автора деревня 37
Каратау, гора 32, 61
Карнак, г. 60
Каспийское море 19
Кашкар-Диван, горы 45, 49,
53
Кашкария 37, 38, 50
Кечубай-Чаркар, оз. 23
Киргиз-Кайсацкая степь 18, 58
Китай 38, 42, 44, 45, 49
Козыгурт, гора 33
Коканья 18, 30, 31, 34, 43, 44,
47, 48, 50, 53, 59, 60
Коканское владение 18
Коканское государство 30, 37,
38, 47, 51
Кокант [Коканд], г. 18, 35, 36—
39, 43, 45—47, 51, 53, 54, 58,
60
Кокчатау, гора 22
Коротумар, урочище 21
Кременчуг, г. 57
Кузукуч, р. 26
Куктирек, урочище 21
Кукча-Туз, оз. 30
Кукчетавское, оз. 23
Кулан-Етмесь, р. 27, 61
Кулан-Етмесь, урочище 29
Кунь [Кун], р. 28
Курама, г. 56
Курская губерния 47
Кучаку, урочище 24
Кындыртау, горы 34, 35, 55
- Маликуль, оз. 26

Марглянд (в рук. Марглянт)
[Маргелан], г. 47—49
Мшак-Камыш, урочище 22
Мулламир, населенный пункт 55
Намангант [Наманган], г. 50
Нура, р. 25, 26
Октау, гора 29
Омск, г. и крепость 18
Оральское озеро [Аральское море] 19
Оренбург, г. 48, 57
Отрар, г. 38
Ош, застава 49
Персия 45, 57
Петербург 35
Петропавловская крепость 17,
18, 39, 58, 62
Пишкет (в рук. Пашкет), г.
55, 56
Россия 25, 27, 28, 43, 44, 45,
47, 51, 57, 59
Салента (в рук. Саленга), р. 23
Самарканд (в рук. Самархан),
г. 38, 45
Сарагачь 21
Сарсаус [Шахрисябз], гос-во [и
г.] 42
Сарысу, р. 29, 31, 61
Семиполатинская крепость [Се-
мипалатинск] 57, 58
Сузак, г. 30, 31, 61
Сурына (в рук. Сарысу), р. 61
Сыр-Дарья, р. 19, 36, 49, 50,
53, 54
Таир-Берген (в рук. Тагер-
Бергенъ), урочище 62
Татария 37
Тах-Сулейман [Тахт-и Сулей-
ман], г. 48, 49
Ташкения 55, 56
Ташкенское (в рук. Ташкин-
ское) владение 33, 37
Ташкент, г. 33, 35, 39, 51, 57—
60

Тетенбет-Карасу, урочище 22
Тобол, р. 18
Тонкат, г. 38
Тур-Айгр [Тур-Айгыр], урочище
23, 24
Туркистан [Туркестан] 19, 23
Туркистанская [Туркестанская]
область 30
Туркистанское [Туркестанское]
владение 30, 37, 60

Уванас, пирамида 30
Уванас, урочище 60
Уй, р. 18
Урал, р. 18
Уратау, гора 29
Урутюпа [Ура-Тюбе], г. 53

Хива 19, 38, 42
Хивинское владение 57
Ходжанд, гора 36
Ходжант [Ходжент, ныне Ле-
нинабад], г. 54
Хотай-Берген (в рук. Хотай-
Берденъ), урочище 26

Чаглинка, р. 22
Чакмаштау, урочище 22
Чарлаковской, форпост 17
Чимкет [Чимкент], г. 33, 60
Чирчик, р. 35, 56, 57, 59, 60
Чубар-Айгр [Чубар-Айгыр], уро-
чище 22
Чуй [Чу], р. 19, 30, 31, 61
Чулак-Ашу, урочище 32

Шайдам, г. 55

Юскомыш, урочище 21

Якши-Кунь, р. 28
Яланды, урочище 24
Ям, г. 54
Яман-Туз, оз. 22
Янакурман, г. 50, 54
Янасу, р. 23
Ярмазар, укрепление 45, 48, 49
Яснан-Кунь (в рук. Ямань-
Кунь), р. 28

**УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ
ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП И НАРОДНОСТЕЙ**

- арабы 37, 54
армяне 57
- бухарцы 51, 58, 59
- гольчи [горные таджики] 35, 37
- египтяне 60
- калмыки 20, 22, 25, 26
каракалпаки 50
каратегине [каратегинцы] 37
киргизы [казахи] 18—33, 47, 48,
57, 61
киргизы черные закамененные
[киргизы] 30—34, 37, 48, 50,
55, 61
китайцы 37
- коканцы 18, 32, 36, 38—40, 43,
44, 47, 48, 52, 54, 55, 57—60
- моголы 19
- персиане (в рук. персияне) во-
сточные горские [горные тад-
жики] 35, 37, 38, 42, 45, 48,
49, 54
- русские [русские] 23, 27, 40, 47,
48, 57, 59
- татары казанские 47, 48
татары крымские 57
ташкентцы (в рук. ташкинцы)
34—36, 38, 58—60
трухменцы [туркмены] 37, 54
туркистанцы 31

ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- алкоран 21, 45
аргамак 40, 44, 51
- баранта 20, 24, 26
бердыш 19, 27
бий 20, 24, 28
- визирь 38, 41, 42, 51
волосяная сетка [паранджа] 34, 60
- дат-хан 46, 47, 48
дутка 39
- калеобатери 40
калым 20
камфа 49
канцелярное семя 51
кафар [кафир] 47
куп 44
- меновный двор 62
молошный мешок 21
мулла 20
- окуп 44, 52
- пелева 36
плутонг 40
поприще 25
пшено белояровое 39
пшено сарачинское 39, 42, 59
- рупия 42, 48
- садок 36
сакма 39
сандал 51
сарп 60
секурс 18
стегнь 36
сывызга 21
- теленгут 27, 28, 61
трубица колесная 27
тють 52
- урочище 21—24, 26, 29, 32, 61, 62
- хлопчатая бумага 36, 46, 49, 51
хрептух 39
- чалма 40, 54, 60
чушка 39
- штоф 41
- экзерциция 40
- юрта 19, 21, 22, 24, 27, 31, 32, 38, 44
- ямб 49

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Записки о некоторых народах и землях средней части Азии .	15
Примечания	64
Указатель имен	71
Указатель географических и топографических названий . .	72
Указатель названий этнических групп и народностей . .	74
Предметно-терминологический указатель	75

Филипп Назаров

**Записки о некоторых народах
и землях средней части Азии**

*Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

*

Редактор *Т. М. Шевцова*
Художник *А. В. Захаров*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректор *Г. В. Струцова*

*

Сдано в набор 4/IX 1968 г.
Подписано к печати 8/XII 1968 г.
А-12102. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1
Печ. л. 2,5. Усл. п. л. 4,2
Уч.-изд. л. 3,94. Тираж 15 000 экз.
Изд. № 2233. Зак. № 1267
Цена 25 коп.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

ЧИТАЙТЕ КНИГИ
серии «ПУТЕШЕСТВИЯ ПО СТРАНАМ ВОСТОКА»,
выпускаемые
ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

В 1968 г. в этой серии вышли следующие книги:

Д. В. Наумов и А. В. Яблоков. 20 000 КИЛОМЕТРОВ ПО ИНДИИ. 280 стр., с илл. Цена 89 коп.

МАНТЫК — ИСТРЕБИТЕЛЬ ТИГРОВ. 192 стр., с илл. Цена 53 коп.

ПОСЛЕ МАРКО ПОЛО. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий. Перевод с латинского и староитальянского языков, введение и примечания Я. М. Света. 237 стр., с картами. Цена 75 коп.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготорга и «Академкнига», а также по адресу: Москва В-468, Мичуринский пр., 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

**ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ в 1969 г.
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

А. Л. Троицкая. КАТАЛОГ АРХИВА КОКАНДСКИХ ХАНОВ XIX в. 42 л. Цена 3 руб. в переплете.

А. Л. Троицкая. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА XIX в. 9 л. Цена 55 коп.

ФАЗЛАЛЛАХ ИБН РУЗБИХАН ИСФАХАНИ.
Михман-наме-йи Бухара («Записки бухарского гостя»). Факсимиле рукописи. Перевод с персидского, введение, комментарий и указатели Р. П. Джалиловой. Под редакцией А. К. Арендса. Серия «Памятники письменности Востока», XXVII. 50 л. Цена 3 р. 30 к. в переплете.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книоторга и «Академкнига», а также по адресу: Москва В-468, Мичуринский пр., 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
29	8 св.	Уратау	Уртатау
45	20 сн.	начлегах	ночлегах
47	19 сн.	может	можем
73	15 св. прав. кол.	Уратау	Уртатау